

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Тамбовский государственный технический университет"

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ВЕК XX-й

Утверждено Ученым советом университета
в качестве учебного пособия

Тамбов
Издательство ТГТУ
2006

ББК Т 3(2Р-4Т)
И90

Рецензенты:

Кандидат исторических наук, профессор
А.Л. Аврех

Доктор исторических наук, профессор
В.П. Семьянинов

И90 История Тамбовского края: век XX-й: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Слезина. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 92 с.

Книга состоит из краеведческих очерков, подготовленных как ведущими, так и начинающими учеными Тамбовской области, краеведами. В очерках освещаются некоторые из наиболее важных проблем истории Тамбовского края.

Учебное пособие предназначено для студентов 1 – 5 курсов, изучающих элективные курсы "История Тамбовского края" и "История региона".

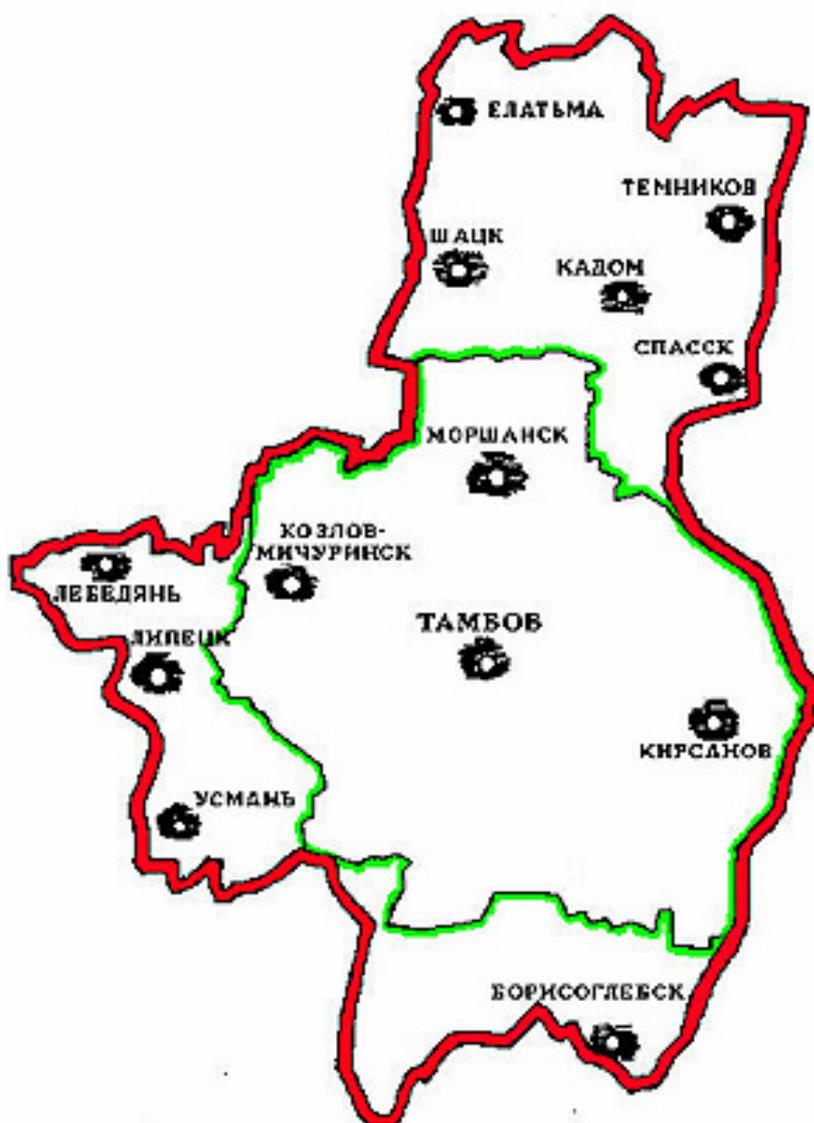
Может использоваться в базовом вузовском курсе "Отечественная история", при изучении исторических и краеведческих дисциплин в средней школе.

ББК Т 3(2Р-4Т)

ISBN 5-8265-0465-X

© Слезин А.А., 2006

© Тамбовский государственный
технический университет (ГТТУ), 2006

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ВЕК XX-й

Очерки

• ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ •

Учебное издание

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ВЕК XX-й

Учебное пособие

Под редакцией
СЛЕЗИНА Анатолия Анатольевича

Редактор Т.М. Федченко
Компьютерное макетирование И.В. Евсеевой

Подписано к печати 00.03.2006.
Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем: 5,35 усл. печ. л.; 5,4 уч.-изд. л.
Тираж 400 экз. С. 172

Издательско-полиграфический центр ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Данное пособие продолжает серию учебно-методических публикаций, предназначенных в первую очередь для изучающих элективные курсы "История Тамбовского края" и "История региона" в Тамбовском государственном техническом университете¹.

История Тамбовского края столь многогранна и неисчерпаема, что пока мы не решились на издание учебника, отвечающего на все основные вопросы краеведческих курсов. Мы постепенно представляем Вам избранные страницы трудного, противоречивого, но из-за этого не менее славного, исторического прошлого родного края.

В новой книге ученые и краеведы освещают ряд наиболее актуальных на сегодняшний день вопросов тамбовской истории XX века. Авторский коллектив составили кандидат философских наук, доцент Лидия Ивановна Чуфистова; кандидат философских наук, доцент Алла Адольфовна Шаронова (очерк 1); кандидат исторических наук Сергей Александрович Ильин (очерк 2); кандидат исторических наук Денис Николаевич Погорелый (очерк 3); кандидат исторических наук, доцент Виктор Викторович Красников (очерк 4); доктор исторических наук, профессор Анатолий Анатольевич Слезин (очерк 5); доктор исторических наук, профессор Сергей Альбертович Есиков, кандидат исторических наук Андрей Владимирович Пеньков (очерк 6); известный фотограф и коллекционер Владимир Александрович Ермаков (очерк 7).

Кафедра истории и философии ТГТУ продолжает работать над серией учебно-методических изданий "История Тамбовского края" и ждет ваши замечания и предложения по адресу: 392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, корп. А, каб. 310, 313. Телефон: 53-03-81. E-mail: hist@nnn.tstu.ru.

---

¹ Двухжилова И.В., Слезин А.А. История Тамбовского края: Рабочая тетрадь. Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001; Двухжилова И.В., Слезин А.А. История Тамбовского края: Рабочая тетрадь для студентов. 2-е изд., перераб. и доп. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002; История Тамбовского края: избранные страницы: Учеб. пособие / Под ред. И.В. Двухжиловой, А.А. Слезина. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004; Чуфистова Л.И., Шаронова А.А. История Тамбовского края: философские традиции. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004; Двухжилова И.В., Слезин А.А. История Тамбовского края: Практикум. Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004; История Тамбовского края: актуальные проблемы: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Слезина. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005.

**ВЛАДИМИР КОЖЕВНИКОВ – ХРИСТИАНСКИЙ
МЫСЛИТЕЛЬ И ПОДВИЖНИК**

Л.И. Чуфистова, А.А. Шаронова

Отдавая дань отечественной традиции, стремясь найти в прошлом руководство для жизни, мы обращаемся к деятельности тех людей, которые видели свой долг и духовное призвание в сохранении света христианской веры, верности христианским идеалам вопреки всем социальным катаклизмам и житейским невзгодам. Их волновало прежде всего духовное здоровье России. К их числу можно отнести малоизвестного до сих пор деятеля русской культуры, жившего и творившего во время, именуемое сегодня "серебряным веком" – Владимира Александровича Кожевникова (1852 – 1917) (он больше известен лишь как друг и издатель трудов Н.Ф. Федорова).

Владимир Александрович Кожевников родился 12 мая 1852 г. в городе Козлове Тамбовской губернии, здесь же прошли его детство и юность. После смерти отца, состоятельного и образованного купца, потомственного почетного гражданина г. Козлова, В.А. Кожевникову пришлось заниматься финансовыми делами семьи и образованием двух младших братьев. Владимир Александрович получил прекрасное домашнее образование, но семейные обстоятельства помешали ему получить университетский диплом. Будучи лишь вольнослушателем Московского университета (1868 – 1873), он прослушал курс истории и философии, в связи с чем не мог быть допущен к выпускным экзаменам. Несмотря на то, что свидетельства об окончании университета В.А. Кожевников не получил, он обладал обширнейшими знаниями, свободно владел восемью иностранными языками, был тончайшим знатоком живописи и музыки. Уже в юношеском возрасте определился основной круг и направление его интересов – это история религии. Серьезность и целенаправленность занятий позволила 22-летнему Кожевникову издать свой первый научный труд – "Нравственное и умственное развитие римского общества во II в." (Козлов, 1874). Это историко-культурное исследование состояния языческого мира было замечено столичной критикой и даже были даны восторженные рецензии.

В 1875 г. в библиотеке Румянцевского музея произошло его знакомство с Н.Ф. Федоровым. Юношеская вера в могущество разума, а также обостренное чувство истории способствовали быстрому сближению Кожевникова с Н.Ф. Федоровым, ставшим его наставником в самообразовании. В течение 28 лет Кожевников был самым близким к Федорову человеком. И неотлучно находясь при нем в последние дни его жизни, получил из рук мыслителя в наследство все его бумаги. Именование "философии общего дела" принадлежит В.А. Кожевникову, в то время как Н.Ф. Федоров чаще всего называл свое учение "учение о воскрешении". Кожевников В.А. в 1908 г. выпустил книгу "Н.Ф. Федоров. Опыт изложения его учения". Он же был одним из издателей "Философии общего дела".

Кожевников отличался исключительной любознательностью, широтой интересов, огромной эрудицией и работоспособностью (мог трудиться за письменным столом по 14 и более часов в сутки). По словам известного философа С.Н. Булгакова, ближайшего друга в последнее десятилетие жизни В.А. Кожевникова, в нем "жила целая академия наук и искусств", при отсутствии стремления сделать научную карьеру, что дает основание называть В.А. Кожевникова, по аналогии с известным словосочетанием "свободный художник" – свободным ученым.

В конце 1870-х гг. у Кожевникова возникла идея многотомного исследования, посвященного истории секуляризации европейской культуры. Труд, которому Кожевников отдал самые продуктивные десятилетия жизни, так и не был опубликован. В течение 14 лет углубленно изучал литературу и философию эпохи Возрождения в крупнейших книгохранилищах Европы. Кожевников много путешествовал, совершил паломничество в Святую Землю. В заграничных путешествиях стал собирать редкие книги. В последующем его библиотека, насчитывающая 8 тыс. томов, была завещана им библиотеке Румянцевского музея. Опубликована лишь малая часть его произведений. Остался неизданным многотомный труд, посвященный "истории перехода европейского сознания от религиозного миро- и жизневоззрения к светскому, гуманистическому". По словам самого автора, ему хотелось показать, что мы приобрели и как много потеряли. Увлеченность самим процессом познания, стремление идти дальше и дальше, нежелание тратить время на хлопоты по изданию работ и явились причиной того, что масса сочинений не была подготовлена к публикации.

В итоге им было написано свыше тридцати томов самых разнообразных по содержанию, но объединенных одной идеей научных трудов и этюдов. В печати же появилась лишь одна работа, посвященная этому уникальному замыслу, – "Философия чувства и веры в ее отношении к рационализму восемнадцатого века и к критической философии" (М., 1897).

Среди других печатных работ Владимира Александровича можно выделить: "Беспельный труд, "неделание" и дело. Разбор взглядов на труд Эм. Золя и Л.Н. Толстого" (М., 1903), "Значение А.А. Иванова в религиозной живописи" (М., 1907), "О задачах русской живописи" (М., 1907), "Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности" (М., 1908), "Исповедь атеиста (по поводу книги Ле-Дантека "Атеизм")" (М., 1910), замечательная по эмоциональному накалу и искренности работа "О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем" (СПб., 1910).

"Исповедальное" письмо В.А. Кожевникова к П. Флоренскому было написано в ответ на просьбу последнего выслать список работ для представления к званию почетного члена Московской Духовной Академии. Оно дает нам счастливую возможность познакомиться с духовной жизнью, в то время как внешняя его жизнь была

не богата событиями. Намеренно приводится большой фрагмент самооткровения В.А. Кожевникова лучше всего характеризующий духовную уникальность этого русского человека, которого отец Павел называл "оздоровителем современной мысли и современного слова, совестным судьей слов и мыслей". Владимир Александрович разворачивает свою жизненную драму следующим образом: "... перед Вами встанет достойный и порицания, и сожаления образ маниака, одержимого настоящим запоем исторического знания, в котором этот субъект долгие годы полагал главное наслаждение жизни и на который теперь он смотрит как на некое безумие, отрезвиться от коего однако радикально он и до сих пор не в силах...

С детства владевшая мною страсть к чтению, сначала беспорядочному, разнообразному, потом, когда я задумался над религиозными вопросами, сосредоточилась на последовательном изучении наиболее важных философских и религиозных произведений. Я шел подряд, от древности до новейшего времени, по первоисточникам, добавляя затем исторические и критические работы, к ним относящиеся. Накопилась гора матерьялов; почувствовалась потребность воспользоваться ими для какого-нибудь крупного труда. В 70-х годах, отчасти под впечатлением книги Лекки и в противовес его "Истории рационализма", меня охватила мысль написать историю перехода европейского сознания от религиозного миро- и жизневоззрения к светлomu, гуманистическому, историю (за неимением иного термина) "обмирщения", секуляризации европейской культуры от Возрождения до XIX в. Этот процесс представлялся мне самым существенным в эволюции современного умственного и нравственного сознания и определения им частной и общественной жизни. Это должна была быть генетическая история преобладающего направления новой культуры. И мне хотелось показать, что мы в нем приобрели и что и как много, потеряли. Я углубился в эту работу действительно как маниак, зарывался в нее, с утра до ночи, в продолжение почти 20 лет, причем лет 14 ни с кем не был знаком, никуда не ходил, и переворачал такую уйму книг, здесь и за границею, что теперь краснею от стыда при одном воспоминании о трате времени на столькое неважное, мелочно-детальное. Но тогда этого ничего не чувствовалось; было, напротив, удивительно покойно и даже радостно на душе ... План был широкий, матерьял огромный; то и другое втягивало и всасывало меня в себя; подготовительные работы разрастались в ряд монографий и свести их в целое, стройное и сжатое, оказывалось уже невозможным. Я помирился было с мыслью издавать отдельные работы, связанные общим духом и направлением. Но тут вышел перерыв в деле, по обстоятельствам личным, тяжелым, горестным... Затем Ник. Фед. Федоров взял меня на свою работу; я не протестовал; помогал ему, писал, переписывал... Умер Н.Ф., завещавши мне свои рукописи; разбор их был медлителен и труден; издал 1-й том его; подготовил 2-й, издал свою книгу о нем?"; начал 2-ю часть ее... Все это взяло порядочно времени... А теперь мне уже 60 на плечах!.. И вот сзади меня, – чудовищная по объему, гора мертворожденных работ, а впереди, при надвигающемся ощущении близкого конца, – унылое сознание непроизводительно загубленных, многих лет и, что всегда трагичнее, "несмотря на это сознание, – все еще не задушенная страсть учиться, учиться,... хотя давно уже ясно мне, что смысл и цель жизни – не в накоплении знания и что мне самому жажда его – доказанная помеха осуществлению действительного смысла жизни. Пробовал бросать, уменьшать... – тоска, расслабление! Продолжаю работать, – забываюсь, а опомнюсь, – мучительный вопрос «зачем? для чего? что толку из этого»².

Флоренский П. в ответном письме, желая ободрить Кожевникова, пишет, что он работал на пользу Церкви и России не за жалованье, не ради орденов или чинов или пенсии, но для защиты религии против неверия, культуры против варварства, добросовестности против недобросовестности. Флоренский сетует на то, что водворяется циничное отношение к науке и культуре, и что сам феномен Кожевникова, сам факт его существования может противодействовать этой духовной деградации, в то время как его труды и дарования остаются скрыты для культурной жизни России. Флоренский П. искренне восхищается культурой слова и мощью таланта этого христианского подвижника: "В Вас есть изумительное мастерство понимать и изображать процессы общественного сознания, и я не знаю ни одного историка, который умел бы с подобным беспристрастием, – но не холодным беспристрастием презрения (А. Франс), а со спокойствием веры, в себе уверенной, – проследить жизнь идей в истории или, точнее, жизнь общих настроений общества.

И вот, в этой-то необъятной по материалам и неуловимой по неопределенности сфере Вы заняли позицию наиболее трудную по современному состоянию знаний, это именно защиту веры против неверия и обнаружение тончайшей сети веры там, где неверие мнит иметь области бесповоротно свои. Как естествовед, многими красками прокрашивали Вы общественные настроения, прежде чем эта сеть веры выступала пред читателем совершенно отчетливо ... однако я не могу не сознавать красоты и тонкости Вашей препарировки, и Ваши срезы микротомические неверующей и полуверующей души по справедливости должны занять одно из первых мест в кабинете изучения религиозной жизни².

Связывать имя Кожевникова только с Федоровым и его учением неверно. В то же время обойти "федоровскую" линию в его творчестве 1890-х – начала 1900-х годов нельзя. Именно в сочинениях тех лет проводятся идеи этого самобытного мыслителя, в которых Кожевников является его последователем. В первую очередь к ним относится книга "Бесцельный труд, "не-делание" или дело? " (М., 1893). Семена, посеянные федоровским учением, взывающем к деятельной любви "сынов" к ушедшим поколениям "отцов", упали на добрую почву: Кожевников всем сердцем воспринял идеи Николая Федоровича.

Дружба с Федоровым углубила интерес Кожевникова к истории отечества. "Федоровское" начало, тема единства "отцов" и "сынов", Востока и Запада, всего человечества присутствуют в его историко-путевых очерках 1890-х гг. Результатом многолетних научных занятий стала работа "Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII в. и к критической философии" (М., 1897). В этом фундаментальном труде Кожевников впервые ясно изложил основы учения Федорова: общие братские усилия человечества

² Кожевников – Флоренскому, письмо от 14 марта 1912 г. // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 94–95.

² Флоренский – Кожевникову, письмо от 15 августа 1912 г. // Там же. С. 106–107.

по "разумной регуляции природы" при помощи достижений науки; избавление человечества от голода, болезней и смерти; "возвращение жизни отцам" – т.е. воскрешение их. Эту "общепользную философию дела" Кожевников назвал "философией будущего".

Кожевников и его соратник Н.П. Петерсон после смерти Федорова поставили своей задачей популяризацию его учения. Они издали статьи и фрагменты работ Федорова под названием "Философия общего дела". Кожевников написал предисловие и приготовил к печати оставшиеся материалы, а умирая, завещал средства на издание. В 1904 – 1906 гг. Кожевников написал серию статей о мыслителе с подробной характеристикой его деятельности, личности и воззрений с общим названием "Н.Ф. Федоров. Опыт изложения его учения по изд. и неизд. произведениям, переписке и личным беседам". Однако еще при жизни Федорова между ним и Кожевниковым не было полного согласия в важнейшем вопросе, касающемся учения Николая Федоровича. Суть разногласия состояла в том, что Кожевников считал его "учение о воскрешении" не христианским, так как святоотеческая традиция утверждала всеобщее воскрешение мертвых не естественными средствами, а "сверхъестественною силою совершающееся". Глубоко и искренне уважая своего старшего друга, Кожевников критически относился к его учению и оценивал федоровскую доктрину как попытку "рационализировать христианство". В дальнейшем осмыслении учения Федорова Кожевников предвидел две возможные альтернативы: усиление его рационалистической, научной стороны при очень равнодушном отношении к его нравственному и религиозному аспекту или, наоборот, примирение его с христианством. Именно последнее Кожевников считал своим долгом по отношению к умершему. К 1913 г. с особой остротой перед ним возникла необходимость истолкования учения Федорова для принятия его православной традицией. В то же время В.А. Кожевников утверждал, что в учении о воскрешении не разработаны важнейшие для христианства вопросы: о действии Божественной благодати, о грехе, об искуплении рода человеческого Спасителем, о церковных таинствах. Но чтобы не потерять для человечества того ценного, что есть в оригинальном учении Н. Федорова, Кожевников утверждал, что Николай Федорович не успел до конца обосновать свою позицию до полного согласования с учением Православной Церкви, но непременно сделал бы это, если бы предвидел опасность использования его идей атеистами. В письме к Флоренскому Кожевников признается, что несмотря на несомненный факт личной религиозности и православности Н. Федорова, в то же время нельзя полностью поручиться за безупречную православность его доктрины. Кожевников обращает внимание на тот факт, что даже в личных беседах с Федоровым слишком была очевидна переоценка им естественных средств спасения человечества и недооценка значения средств благодатных. Вместе с тем Кожевников замечает, если бы при жизни Федоров ясно представлял себе опасность истолкования учения лишь только в рационалистическом и материалистическом духе, то он несомненно смягчил бы эту тенденцию. В последующем опасения Кожевникова полностью подтвердились, но чувство искренней любви и благодарности заставляло Кожевникова искать оправдания идеям своего духовного учителя: "Надо признать в этом учении многое недоясненным, кое-что необоснованным, кое-что недодуманным; надо, наконец, признать и его столкновения в некоторых существенных пунктах с церковным учением, несмотря на искреннее желание автора пребыть православным. Все это должно вести к разъяснению, расследованию учения, ко всестороннему его обсуждению, разумеется, с полною свободою разномнения, свободу, за которую "Старик" всегда стоял явно и энергично..."³.

В конце 1890-х гг. Кожевников изучал памятники древнехристианской письменности, патристику. Позднее писал статьи по апологетике христианства. После 1907 г. большая часть работ В.А. Кожевникова выходит в новоселовской "Религиозно-философской библиотеке" и носит в основном апологетический характер: "Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности" (вышло три издания, первое – М., 1908); "О добросовестности в вере и в неверии" (М., 1909). С пафосом написанная брошюра "Мысли об изучении святоотеческих творений" (М., 1912) призывает общество обратиться к сокровищам духовным. Высокую оценку современников получило одно из лучших произведений философа "О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем" (СПб., 1910), а также последняя знаменитая книга В.А. Кожевникова "Буддизм в сравнении с христианством" (СПб., 1916, т. 1 – 2), которую, к сожалению, он не успел закончить. Идеи этой книги родились из чтения публичных лекций Кожевникова для студентов и курсисток в зале Медведниковской гимназии и также на собраниях "Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви", основанного в Москве в 1907 г. М.А. Новоселовым, издателем "Религиозно-фило-софской библиотеки". Кожевников был активным членом "Новоселовского кружка". К этому объединению были тесно причастны такие религиозные философы и богословы, как П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, Ф.Д. Самарин, ректор Московской духовной академии епископ Феодор (Позднеевский) и многие другие. Кружок был реализацией проекта духовного сплочения небольшой группы людей на основе не ученой религиозно-философской деятельности, но интимного духовного общения. Участники кружка черпали вдохновение в монашеской традиции. Они были убеждены, что истинный голос русского христианства исходит не из официальных церковных кругов, но из учения старцев, сохранивших нетронутым его подлинный дух.

Выражая свое душевное состояние этого периода, Кожевников пишет Ф.Д. Самарину, что наступила пора перейти всецело от книжного любознания и философского и ученого любомудрия внутрь своей, хотя бы и суетной и грешной души. Последнее десятилетие жизни Владимир Александрович посвятил деятельности на благо Церкви. По заявлению самого Кожевникова, чтобы по мере сил поработать над возведением ограды церковной и защитить православную церковь и ее учение от учений ей чуждых и враждебных. Закономерным итогом этого бескорыстного служения стал итоговый труд "Буддизм в сравнении с христианством". Лосский Н.О., опи-

³ Кожевников – Флоренскому, письмо от 7 февраля 1914 г. // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 119

раясь на добротность исследований, построил на "Буддизме..." свои рассуждения относительно мистической интуиции в книге "Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция". Известный русский философ В.В. Зеньковский констатировал, что автору этой работы "Буддизм..." открыта вся полнота христианской истины. Кожевников так говорил о цели своей работы: "Противодействовать ошибочным представлениям о сходстве буддизма с христианством и о влиянии первого на второе". Замысел работы над буддийскими источниками и их соотношением с христианским Святым Писанием возник у Кожевникова еще в 1907 г. под впечатлением усилившейся полемики в обществе между столь модной теософией и антропософией и православно ориентированной интеллигенцией. Обладая фундаментальным знанием всего массива доступной ему как буддологической, так и христианско-теологической литературы, сам, будучи глубоко православным человеком, Кожевников сумел увидеть за иллюзией сходства принципиальную противоположность учения Будды Истине Христа. Апологетическая позиция Владимира Александровича по отношению к православию не мешает, а скорее помогает четко расставить акценты и утверждать невозможность сравнения духовных сокровищ буддизма с "бесценной евангельской жемчужиной", которой является Христос и его учение. Кожевников дает исчерпывающую картину принципиальной несхожести христианства и буддизма. Буддизм, делает вывод философ, есть учение спасения без спасителя. В этом и состоит его существенное отличие от христианства. И если по Христу, совершенство заключается в полноте любви, то буддизм видит этот идеал в полноте знания. Кожевников В.А. видит значение буддизма в отрицательности, обостренной пессимистичности и в этом отношении называет его примером "облеченного в строгую форму неверия". С точки зрения Кожевникова, трудно было бы представить себе больший контраст, как тот, который обнаруживается здесь. С одной стороны – нескончаемая в своих видоизменениях, причудливо фантастическая ткань буддийских джатак, с их неустойчивою, часто низкопробною моралью; а с другой стороны – величавое начало Евангелия от Иоанна, необъятное в священнотайной глубине своих сжатых речений! С одной стороны – прерывистый, извилистый, то повышающийся, то понижающийся процесс восхождения от человеческого и "слишком уж человеческого" и даже животного к сверхчеловеческому и сверхбожескому, при упорном, однако, отрицании Божественного как высшего; а с другой стороны – "в начале бе Слово", то Слово, что было искони у Бога и Коим был Сам Бог; Единородный Сын Божий, Христос, пребывающий Тот же во веки, и Его изначальной и непрестанной божественности "снисхождение божественное" к человечности, дабы, обоживши ее, возвести и ее к Богу же, к Отцу! Такова догматическая противоположность. Но, как мы видели, – не меньшая и нравственная, этическая: с одной стороны – немощная, слабостям и даже греху повинная человечность будущего Будды, искупающая свои понижения и падения бесчисленным рядом перерождений во всевозможных формах; с другой стороны – безусловная, неизменная безгрешность Христа!... Наконец, последний контраст – психологический и, вместе с тем, – духовно-педагогический: в буддизме – надменное в начале, но сознающее потом свое бессилие, безрелигиозное стремление спасти человека его собственными ресурсами и, соответственно трудностям, отсюда происходящим, – сложные пособия многочисленных повторных воплощений, долговечных очистительных наказаний и, в конце концов, все-таки – обращение за помощью сверхчеловеческую к Будде, переделанному позднейшим, религиозизирующимся народным сознанием из человеческого мудреца в существо сверхъестественное; а в христианстве, с самого начала, – признание недостаточности естественных, природных сил человека для его спасения; с самого начала поэтому – обращение к благодатной помощи Богочеловека-Спасителя... И, сообразно со всеми этими идейными особенностями, – столь же резкое различие и в формах их выражения, различие столь огромное, что самая попытка благоговейные, вдумчивые речи отцов Церкви о Божественном Логосе, о тайнах вочеловечения и воплощения Бога-Слова сравнить с развязною болтовнею буддийских бытовых притчей ...должна бы показаться кощунственною, если бы из этого сопоставления не явствовало с такою наглядною очевидностью, как жалки и немощны все порывы к истине и свету в душе человеческой, не озаренной лучами Солнца Правды и Истины Господней, пребывающей вовек..."⁴.

Опыт истолкования В.А. Кожевниковым буддийских памятников с православной точки зрения представляется интересным и сегодня. По мнению философа, буддизм ищет спасения в смерти абсолютной, в совершенном уничтожении бытия. Поэтому мотивы и цели поведения христианина не столько отрицательные – боязнь смерти, временности и т.п., сколько положительные – любовь к Богу, любовь к тварям Божиим, любовь к добру, истине, красоте, любовь к творчеству, воплощающему эти абсолютные ценности, любовь к личному, индивидуальному бытию, как высшей абсолютной ценности, вмещающей в себя все остальные перечисленные блага бытия. Прямо противоположен христианству исходный пункт буддизма и конечные результаты его. Считая мир и личное индивидуальное бытие насквозь злом, буддист не может допустить существование Живого Личного Бога. Знание истины, что всякое мировое бытие есть зло, приводит к спасению, согласно буддизму: оно уничтожает в нем волю к жизни, разрушает в нем не только тело, но и всю душевную жизнь вплоть до полного уничтожения личности. Таким образом, по убеждению Кожевникова, в отношении к мировому бытию буддизм есть религия и философия утверждающая небытие и смерть, а христианское учение есть религия и философия вечной личной жизни в Царстве Божиим.

Сравнивая буддизм с христианством, обнаруживается непреходимая пропасть между ними. Христианство утверждает абсолютную первозданную ценность бытия. Буддизм же проповедует уничтожение личности и мирового бытия и с этой точки зрения остается чисто отрицательным учением.

Детально изучив буддийские тексты, Кожевников осуществляет глубокий анализ буддийского абсолютно отрицания мира, их учения о том, что всякое космическое бытие есть зло. Христианский мыслитель дает

---

⁴ Кожевников В.А. Повести о перевоплощениях Готамо-Будды и их значение в истории развития буддизма // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 144 – 145.

беспощадную характеристику буддийскому идеалу полного уничтожения личного бытия. "Ни до буддизма, ни после него никто не отваживался на столь решительный шаг в сторону полной безнадежности; один буддизм осмелился свершить этот шаг, и в этом – трагическое величие и воспитательная ценность его подвига, не превзойденного в своем роде в истории. Не в этом ли (гадаем мы) и его провиденциальная миссия в ходе развития религиозного опыта человечества. Так и кажется, что в сложном и таинственном плане Господнего мироводительства рядом со столькими поисками Бога, Истины, Правды, Красоты и Божества и со столькими упованиями, окрылявшими дух человеческий в трудных путях этих поисков, необходимо было явить во всей безотрадной силе еще одно течение: отказ от самых поисков всего этого вследствие полного отсутствия упования в торжество чего-либо положительного...

Глубже и живее кого-либо буддизм познал правдивость трагического вопля страждущего человека: "Немоощен есмь!" – и в этом всемирно-историческая заслуга буддизма, в воспитательном, показательном смысле не изжитая еще и поныне. Но буддизм совершенно не познал второй истины, немедленно следующей за первой: он не слышал или не захотел услышать второго клича души человеческой, клича верующего во спасение Благодатью Божией...

В лице буддизма тварь забыла и отринула своего Творца и Промыслителя, поставивши на его место роковой, бессмысленный круговорот будто бы безначальных, слепых космических сил... Утративши веру в Творца, она потеряла ее и в себя, а неверие и гордость помешали ей примкнуть и к третьему кличу "души болезнующей, помощи и спасения требующей": "Творение и создание Твое быв, не отчаяваю своего спасения" (вторая молитва пред святым причащением, литургия Василия Великого) ...ясно и величаво выступает здесь ободряющая, оздоравливающая духовная сила и нравственная красота христианства .... Отрицай гордые и непоследовательные претензии на спасение себя путем самоуничтожения, христианин обращается к Богу, который есть "Любовь и устами Кроткого и Смиренного сердцем зовет нас": "Приидите ко мне вси страждующии и обремененнии... и обрящете покой душам вашим", покой не нирваны небытия вечного, а жизни в боге, жизни вечной"⁵.

Узнав о своей скорой смерти (ему был поставлен диагноз – рак желудка), В.А. Кожевников пишет Флоренскому, что принял эту страшную весть "с благодарностью Богу: пошел в церковь помолиться и теперь чувствовал себя перед лицом Божиим, готовый принять его святую волю". По справедливому замечанию отца П. Флоренского, духовный подвиг В.А. Кожевникова сродни подвижничеству и служению христианских отцов церкви. Непреходящая ценность творческого наследия В.А. Кожевникова заключается в стремлении к единству веры и знания, науки и жизни, выявлении истины в истории, в науке, в жизни, духовная ценность которых не подвластна времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Чуфистова Л.И., Шаронова А.А.* История Тамбовского края: философские традиции. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004.
- 2 *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991.
- 3 *Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова* // Вопросы философии. 1991. № 6.
- 4 *Дурыйлин С.Н.* В своем углу: Из старых тетрадей. М., 1991.
- 5 *Из переписки Н.Ф. Федорова с Кожевниковым* // Контекст. М., 1989.

О черк 2

СОЗДАНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

С.А. Ильин

Вплоть до марта 1906 г. в России отсутствовала возможность существования легальных общественно-политических организаций. Столетиями самодержавие не ощущало необходимости в общественной поддержке, запрещало всякую общественно-политическую деятельность, даже проправительственного характера. В результате первыми на политической арене России появились нелегальные, антиправительственные партии, не нуждавшиеся в государственной регистрации. Благонамеренно настроенные граждане, повинаясь велениям закона, не стремились к созданию политических ассоциаций для защиты своих интересов.

Образование большинства консервативных политических объединений, в том числе в Тамбовской губернии, началось в 1905 г. под влиянием первой российской революции – с одной стороны, продемонстрировавшей всю опасность революционной стихии для Российского государства, с другой, – заставившей самодержавие поторопиться с проведением реформ, направленных на модернизацию России.

Революционные события на Тамбовщине выразились в аграрных беспорядках, забастовках, уличных манифестациях, политических убийствах. Революционные партии, накопившие к этому времени большой опыт нелегальной политической деятельности, развернули широкую агитационную работу, главной задачей которой в аграрной Тамбовской губернии стало вовлечение крестьянства в борьбу за "Землю и Волю". Данный лозунг предполагал ликвидацию частной собственности на землю и передачу ее крестьянам в трудовое пользование, а также свержение самодержавия и образование "народного правления", избранного на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования. Для достижения этой цели крестьян призывали не брать в аренду и не обрабатывать земли частных владельцев, отказываться платить подати и нести воинскую повинность, не подчинять-

⁵ Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Пг., 1916. Т. 1–2. С. 754 – 756.

ся властям. Эффективным способом борьбы должно было стать составление сельских приговоров, причем предлагались уже готовые их тексты с отказом подчиняться властям и законам, платить налоги и подати до созыва Учредительного собрания.

На первых порах революционные призывы не нашли широкого отклика в тамбовской деревне. Вплоть до середины 1905 г. серьезных крестьянских волнений в Тамбовской губернии не было, в отличие от соседних губерний – Воронежской и Саратовской. Неурожай 1905 г. значительно ухудшил положение крестьян, их восприимчивость к идейным установкам революционных партий увеличилась.

Разуверившись в успешности "заочной" агитации, революционеры, среди которых было много приезжих, особенно из Саратовской губернии, двинулись в села и деревни, чтобы лично поднять крестьян на борьбу. Крестьянам говорили, что царь велел всем землевладельцам отдать свои земли крестьянам, а последним разрешил отбирать имущество, землю у помещиков и убивать их. Ссылались на некую "золотую грамоту", содержащую якобы разрешение императора действовать подобным образом. Для большей убедительности своего "высокого положения" агитаторы наряжались в офицерскую, генеральскую форму. По деревням и селам Кирсановского уезда разъезжал некий "генерал Пугачев" – эсеровский пропагандист в похищенном генеральском мундире при орденах с собственными "штабом" и "казначейством". Вооруженные револьверами, ружьями, специальными горючими смесями революционеры не просто призывали, а приказывали идти грабить, лично вели толпы крестьян на имения, как правило, сами поджигали их. В случае неповиновения грозили сожжением деревень, избиением, убийством.

В июле 1905 г. крестьянские беспорядки, начинавшиеся, как правило, ночным воровством копен с полей в небольших размерах, приняли характер массового ночного грабежа, а затем и открытый погромный характер. С особой силой погромное движение развернулось в Кирсановском, Борисоглебском и Тамбовском уездах. Крестьяне захватывали сенокосы, увозили хлеб, поджигали стога сена, службы в имениях, расхищали инвентарь и имущество, действовали зачастую целыми селами (включая женщин и детей), по мирскому согласию. Отказы-вавшихся выезжать добровольно принуждали силой. Поджогам и грабежам подверглись не только помещичьи усадьбы, но и многие хозяйства зажиточных крестьян.

В итоге аграрные беспорядки переросли в анархию. "Крестьяне-бунтари совершенно обезумели, – писал в те дни в личном дневнике священник села Моршань-Лядовки Кирсановского уезда К.И. Богоявленский, – пьянство и разврат превысили всякие границы. Бесчинства, безумия не поддавались описанию; отрезали у скота языки, вспарывали животы и живых, в таком виде, когда за животными, истекающими кровью, тащились их внутренности, выгоняли из их стойл. Привязывали овец к крыльям мельниц, пускали мельницы в ход, забавляясь муками животных. Кошунствовали над св. иконами, раскалывая их, обливая керосином и сжигая...". Борисоглебский городской голова сообщал губернатору: "Озверелые крестьяне, громадными обозами пребывая в помещичьи экономии, разоряли и жгли постройки, жгли скот, конюшни вместе с лошадьми, жгли скирды хлеба, соломы, сена; зерновой хлеб насыпали и везли к себе; нагружали и увозили даже и совсем ненужную в крестьянском обиходе обстановку: рояли, громадные зеркала, не помещавшиеся в избе и т.п."

Однако, несмотря на все усилия радикалов, поднять крестьян на "аграрную революцию" не удалось. В 1905 г. на Тамбовщине пострадало 149 частных владений из 12 455 (около 1,2 %). Некоторые хозяйства получили незначительные повреждения – поломка изгороди, порубка кустарников. Тем не менее, общий ущерб составил огромную по тем временам сумму – 2 418 383 р. Это объясняется тем, что объектом нападения становились, как правило, наиболее рентабельные хозяйства, в том числе мануфактуры, заводы, мельницы.

Большой моральный эффект произвел на общество погромный характер аграрных беспорядков, спровоцированных революционерами и быстро переросших в анархию. Тем более что многие пострадавшие хозяйства были не помещичьими имениями – "дворянскими гнездами", а хуторскими и арендуемыми владениями крестьян, мещан, купцов, почетных граждан. Пострадали наиболее капитализированные, прогрессивные в экономическом отношении хозяйства, что наносило ущерб в первую очередь крестьянам, лишая их дополнительных заработков.

Активизировалась террористическая деятельность революционных экстремистов. В 1905 – 1907 гг. от рук террористов в Тамбовской губернии пострадали 43 человека: 19 – ранены, 24 – убиты или скончались от полученных ран. Из жертв террора только двое – вице-губернатор Н.Е. Богданович и советник губернского правления Г.Н. Луженовский – занимали высокие посты в губернской администрации. Подавляющее большинство пострадавших (32 человека) – нижние полицейские чины, ставшие главной "мишенью" революционеров в силу наибольшей уязвимости. Шесть человек не занимали никаких постов во властных структурах, не принимали участия в подавлении революции и пострадали за оказание помощи полиции при преследовании экспроприаторов или как случайные "лишние свидетели". Все жертвы революционного террора в Тамбовской губернии – люди небогатые: 26 человек не имели недвижимой собственности, 5 человек – владели домами, не приносящими дохода, 12 человек имели небольшие земельные участки (до 7 десятин) и некоторую другую собственность (дом, торговая лавка).

Революционные эксцессы нанесли существенный ущерб экономике, показали нарастающий моральный кризис общества, под воздействием революционной пропаганды быстро адаптировавшегося к насилию, вплоть до политических убийств.

В различных слоях населения России, в том числе и Тамбовской губернии, все более нарастало недовольство революционными эксцессами, стремление дать отпор "крамольникам". Значительная часть российского общества искала пути выхода из "революционной смуты" в мирной, законной работе, направленной на восстановление порядка и оказание помощи правительству в деле реформирования страны. Только оформившись ор-

ганизационно, консервативное большинство населения могло эффективно противостоять радикальному меньшинству, использовавшему любые средства для достижения своих целей.

В 1905 г. по инициативе местных общественных деятелей во многих городах и селах Российской империи возникают политические организации, выступившие с лозунгом защиты "Православия, Самодержавия, Русской народности" и стремящиеся противостоять анархии и развалу страны. Первоначально это были небольшие, не связанные друг с другом объединения. Некоторые из них, в частности, Союз русских людей (Москва), оформившийся в феврале-марте 1905 г., и Союз русского народа (Санкт-Петербург), образованный в октябре-ноябре того же года, приобрели всероссийскую значимость. Члены этих организаций называли себя "истинно русскими людьми", "патриотами", "правыми", "монархистами". Не отвергали они и название "черная сотня" ("черносотенцы"), обозначающее в средневековой Руси простой – "черный" – народ, плативший подати в казну, в отличие от лиц привилегированных – "обеленных", т.е. освобожденных от государственных податей.

Летом 1905 г. отделения Союза русских людей возникают в Тамбовской губернии. Инициатором первого из них стал адвокат Г.Н. Луженовский, который еще накануне революции пришел к выводу о необходимости "дать врагам русской государственности общественный отпор". В пику банкету, устроенному тамбовскими либералами 17 ноября 1904 г., на котором звучала резкая критика в адрес правительства и поднимались тосты за политических убийц, Г.Н. Луженовский 1 декабря того же года организовал обед в честь русской армии. Присутствовавшие на этом обеде (около 250 человек) послали телеграмму царю с выражением своей готовности выступить на борьбу не только с внешними, но и с внутренними врагами. Опубликованный газетами текст телеграммы получил широкий общественный резонанс. Луженовский приобрел всероссийскую известность и начал выступать в печати с призывами проявить "разумную самодеятельность в борьбе с революционными общественными элементами, к счастью, немногочисленными и сильными только своей организацией". В июне 1905 г. Г.Н. Луженовский, назначенный к тому времени советником Тамбовского губернского правления, принимает участие в съезде Союза русских людей в Москве, вернувшись с которого, 28 июля создает тамбовское отделение этого союза и становится его председателем.

26 августа 1905 г. в городе Усмани возникает еще одно отделение Союза русских людей (председатель – профессор Варшавского университета П.В. Никольский).

В это же время в кругу лиц, близких к редакции журнала "Тамбовские епархиальные ведомости", возникла идея по примеру столичных городов образовывать в Тамбове общество с целью содействия мирному процветанию отечества на основе единения Царя с народом. Начался сбор подписей лиц, сочувствующих этой идее и желающих вступить в данное общество. 5 октября 1905 г. в здании Тамбовской духовной семинарии состоялось учредительное собрание. Первоначально решили не создавать самостоятельной организации, а присоединиться к Союзу русских людей, отделы которого уже существовали в Тамбовской губернии. Однако сделать этого не удалось, так как почти все их члены проживали за пределами Тамбова и не могли принимать активное участие в делах тамбовского общества. 23 октября собрание приняло решение образовать самостоятельную организацию, избрало председателя – ректора духовной семинарии архимандрита Федора, товарища (заместителя) председателя – учителя гимназии, статского советника М.Т. Попова, а также членов временного правления. На собрании 30 октября новая организация получила название – Тамбовский Союз русских людей. 6 ноября 1905 г. в помещении Тамбовского Серафимовского духовного училища состоялось торжественное учредительное собрание Тамбовского Союза русских людей, на котором присутствовало около 200 человек. Союз сразу же выступил с критикой революционного насилия, разъяснял населению необходимость прекращения анархии и восстановления порядка, призвал сограждан к объединению для мирной, законной работы на благо отечества.

В ноябре 1905 г. отдел Тамбовского Союза русских людей возник в городе Козлове. 15 января 1906 г. состоялось торжественное открытие Козловского Союза русских людей, по случаю которого общее собрание Тамбовского союза отправило приветственную телеграмму с пожеланиями успеха деятельности "на пользу Православия, Самодержавия и Русской народности".

В тот же день общее собрание Тамбовского Союза русских людей рассмотрело и удовлетворило просьбу рабочих Тамбовских вагонных мастерских о принятии их в союз. 21 января 1906 г. в здании железнодорожного театра последовало торжественное открытие Железнодорожного отдела Тамбовского Союза русских людей, на котором присутствовало около 700 – 800 человек. 24 января для ведения дел союза был избран специальный Комитет под председательством конторщика мастерских С.С. Кулешова, в который вошли по два представителя от каждого цеха (24 человека).

Центральные и местные власти в условиях борьбы с революцией не препятствовали образованию консервативных союзов, выступивших в защиту основ российской государственности, контактировали с ними, но не спешили с легализацией их деятельности, поскольку правящая элита не имела опыта сотрудничества с общественными политическими объединениями. Хотя формально политическая деятельность российских подданных декларировалась Манифестом 17 октября 1905 г., однако правительство медлило с созданием специального органа для регистрации политических и иных обществ. Лишь 4 марта 1906 г. был издан "Указ о введении в действие «Временных правил об обществах и союзах»", носивший ограничительный характер. Для регистрации обществ и союзов на местах создавались губернские по делам об обществах присутствия под председательством губернаторов.

В Тамбовской губернии, после регистрации устава Санкт-Петербургским городским по делам об обществах присутствием (7 августа 1906 г.), развернул активную работу Союз русского народа. 27 октября 1906 г. образовался Шацко-Агишевский (в селе Агишево Шацкого уезда) подотдел Союза русского народа под председательством старшины Агишевского волостного правления А. Фомкина. 21–22 декабря 1906 г. по инициативе крестьян

янина Борлова подотдел союза возник в селе Малышеве Спасского уезда. 27 декабря 1906 г. состоялось учредительное собрание Борисоглебского отдела, который возглавил врач Н. Мирнов. Организации открылись с разрешения губернатора, в письменной форме признавшего законность их деятельности. В декабре 1906 г. Главный Совет Союза русского народа заявил об открытии отделений в городах Елатье, Козлове, селе Потапьево Елатомского уезда; в январе-апреле 1907 г. – в городе Кадоме и селе Старо-Юрьеве (с его волостью) Козловского уезда. Заявления об их открытии Главный Совет подал в Канцелярию Санкт-Петербургского градоначальника, управляющий которой уведомил Тамбовское губернское по делам обществ присутствие. Все отделения пользовались типовым уставом и поддерживали контакты непосредственно с центральной организацией союза в Петербурге.

Широкая организационная и идейная автономия консервативных союзов позволяла иметь собственные программы и уставы, что обусловило приоритет их внимания к проблемам, имевшим особую актуальность в своем регионе. Тем не менее, принципиальные программные положения – "Православие, Самодержавие, Русская народность" – совпадали. Несмотря на созвучие, это не являлось реанимацией реакционной "теории официальной народности" Николая I: была предложена программа мирного обновления страны на основе тесного сотрудничества власти и общества.

На первом месте стояло укрепление позиций Православия, которое считали естественной основой духовности российского общества. Консервативные общественно-политические организации исходили из того, что влияние церкви в обществе определяется ее моральным авторитетом. Они разработали свои предложения по укреплению позиций православия за счет активизации миссионерства при полной терпимости к другим конфессиям, выраженной в свободе исповедания веры и исполнения религиозных обрядов. Для поднятия авторитета православной церкви в духовной жизни страны предлагалось восстановить соборное начало управления церковью, повысить роль прихода, сделав его одним из элементов местного самоуправления, сделать всеобщими духовные учебные заведения, отменить плату за обряды, назначить духовенству жалованье.

Второй по значимости проблемой стал вопрос об эволюции самодержавия, начатой Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. "Об усовершенствовании государственного порядка". Проблема осложнялась тем, что наделение Государственной Думы законодательными полномочиями и сохранение за государем "верховной самодержавной власти" создавали правовую коллизию. Вопрос о самодержавии в связи с Манифестом 17 октября специально обсуждался на собраниях Тамбовского Союза русских людей 6 и 18 декабря 1905 г. Все выступавшие сошлись в итоге на том, что Россия остается самодержавной монархией: Манифест 17 октября не ограничивает самодержавие, а лишь меняет его – от бюрократического абсолютизма в исконную русскую форму с правом совета и мнения за выборными от народа.

Русские консерваторы подчеркивали необходимость и полезность для огромной Российской державы самодержавия как надсословной, надэтнической, надпартийной системы власти, считали, что ограничение самодержавия ведет к анархии, распаду государства. Они предостерегали от механического перенесения на русскую почву западных парламентарных учреждений, призывали к осторожности, максимальному учету исторических традиций и особенностей России, ее отдельных регионов. По их мнению, сохранение самодержавия не противоречило наличию политических и гражданских свобод, "основанных на подчинении законам, долгу и голосу совести". Демократические свободы, дарованные Манифестом 17 октября 1905 г., приветствовались. Но все эти свободы должны были осуществляться исключительно в рамках законов, ни в коем случае не перерастая в произвол. Все члены консервативных союзов сходились во мнении в любом случае поддерживать самодержавие всеми законными средствами.

Вместе с тем русские консерваторы считали, что государственная система Российской империи нуждается в реформировании, резко критиковали ее недостатки. Прежний бюрократический способ управления подлежал ликвидации. Однако "залог преуспевания России" виделся, – как указывалось в воззвании Тамбовского Союза русских людей, – "не в ограничении власти Государя, а в тесном единении русского народа, освобожденного от чиновничьей опеки, со своим Самодержавным представителем, Царем православным". Для достижения этой цели консервативные организации, в большинстве своем, признавали необходимость народного представительства в той или иной форме (Земский Собор, Государственная Дума), но обязательно носящего деловой характер и не посягающего на прерогативы самодержца.

Козловский отдел Тамбовского Союза русских людей отвергал "посредство" народного представительства. Для установления "действительного единения царя с народом" он предлагал заменить губернское деление империи областным с введением широкого земского самоуправления, в том числе и в так называемых "иностранческих" областях, гарантируя русским преобладающее влияние в областях со смешанным этническим составом населения.

Тамбовский Союз русских людей выступал за сохранение губернского деления, но при обязательном его реформировании путем наделения граждан законными полномочиями "в деле местного благоустройства". За земскими и городскими общественными учреждениями закреплялось право внесения в Государственную Думу ходатайств о местных нуждах.

Русские консерваторы подчеркивали: совершенствование политической системы вовсе не означает ее ломку, самодержавие – не тормоз на пути прогресса, а наиболее приемлемая для России система власти, способная обеспечить максимально безболезненный переход страны на новую ступень развития.

Хотя защита интересов русского народа считалась одним из основных принципов "черносотенной" идеологии, консервативные организации Тамбовской губернии, в отличие от организаций, действовавших в регионах со сложными межнациональными и межконфессиональными отношениями, не уделяли этому вопросу осо-

бого внимания. Акцент в их программах смещался на патриотизм, приверженность российской государственности. Отстаивая целостность Российской империи, "первенствующее значение русского народа как носителя русской государственной идеи", Тамбовский Союз русских людей подчеркивал: "Инородные национальности могут свободно жить и развивать свои местные особенности только при условии, чтобы они не противоречили интересам государства".

Исключение делалось лишь для евреев-иудаистов: ограничения их гражданских прав предлагали сохранить и даже ужесточить. Вместе с тем, консервативные организации Тамбовской губернии, не опубликовали ни одного антисемитского воззвания, ни одного призыва к еврейскому погрому. Напротив, они неоднократно заявляли о мирном, законном характере своей деятельности, предостерегали население от любого насилия, в том числе в отношении евреев.

Особое внимание в программных документах консервативных общественно-политических организаций крестьянской Тамбовской губернии уделялось аграрному вопросу. Критически относясь к положению в аграрном секторе российской экономики, признавая наличие малоземелья и даже безземелья части крестьян, русские консерваторы отвергали революционный путь решения аграрного вопроса. В их программах по этой проблеме не было принципиальных расхождений: частная собственность – неприкосновенна, отчуждение частновладельческих земель возможно лишь "в видах государственной пользы" – покупкой или обменом на казенные земли. Консервативные организации исходили из того, что насильственный "черный передел", на котором настаивали радикалы, не устранил крестьянского малоземелья, но усилит социальную напряженность и уничтожит наиболее культурные хозяйства. Выход видели в широкой денежной и агрономической помощи деревне со стороны государства, активизации переселенческого движения на свободные земли Кавказа, Сибири, Средней Азии, подъеме агрокультуры крестьянского хозяйства.

"Рабочему вопросу" в аграрной Тамбовской губернии консервативные союзы уделили сравнительно мало внимания. Признавалось необходимым, "чтобы государственная власть охраняла рабочих от притеснений со стороны хозяев и заботилась об улучшении их положения и обеспечении их под старость". Отстаивая право рабочих, как и всех граждан, на защиту со стороны государства, консерваторы отрицали статус рабочего класса как "какого-то излюбленного детища". Они исходили из необходимости предоставления равных прав работодателям и работникам по найму, предлагали законодательно запретить стачки рабочих и локауты предпринимателей – наносивших громадный ущерб, как молодой российской промышленности, так и потребителям.

Значительное внимание уделили консервативные организации вопросам образования. "В просвещении громадная сила, – подчеркивал Тамбовский Союз русских людей, – а у нас оно крайне плохо и реформа школы всех типов и разрядов необходима". В Тамбовской губернии отсутствовали высшие учебные заведения, поэтому местные союзы разрабатывают вопросы реформирования низшей и средней школы. Отстаивалось всеобщее право граждан на образование, которое понималось как реальная возможность получения образования каждым ребенком без введения принудительного всеобщего обучения. Учебные заведения должны были готовить учащихся к производственной деятельности, а также осуществлять религиозно-нравственное воспитание в духе христианской веры. Начальное образование предполагалось сделать бесплатным. Курс средней школы обеспечивал законченное образование, но при обязательной преемственности всех образовательных учреждений.

Уставные нормы консервативных политических организаций были практически идентичны. Они основывались на принципах автономии, внутриорганизационного демократизма, отсутствия жесткого членства. Порядок вступления включал подачу письменного или устного заявления с указанием фамилии, имени, отчества, домашнего адреса, звания или рода занятий, уплату небольшого членского взноса (малоимущие от взносов освобождались). Участие в деятельности организации, как и выход из нее, было делом исключительно добровольным.

Высшими органами являлись общие собрания членов, выбиравшие из своей среды совет, который ведал всеми текущими делами (Главный Совет Союза русского народа, Правление Тамбовского Союза русских людей). Деятельность руководящих органов носила открытый, гласный характер.

С целью координации деятельности организационно-самостоятельных консервативных организаций периодически устраивались так называемые "Всероссийские съезды русских людей", в работе которых регулярно участвовали уполномоченные Тамбовского Союза русских людей и его Козловского отдела. Решения съездов носили рекомендательный характер и принимались организациями только после одобрения общими собраниями их членов.

Численность консервативных общественно-политических организаций была и остается одним из наиболее сложных аспектов их истории. Причина этого в особенностях их структуры: отсутствие жесткого партийного членства позволяло обходиться без точной регистрации сторонников. Первостепенное значение для этих организаций имело не формальное членство, а солидарность с основными программными принципами. За основу определения своей численности они брали количество голосующих за их программу на сходах и собраниях граждан.

Но даже с позиций фиксированного членства Тамбовский Союз русских людей и его отделы, местные отделения Союза русского народа были серьезной политической силой. Их численность, составлявшая в 1905 – 1907 гг. около 5000 – 6000 человек, превышала суммарную численность отделений всех других политических организаций, действовавших в то время в Тамбовской губернии. Кроме того, около 25 000 жителей Тамбовской, Саратовской, Самарской губерний заявили о своей солидарности с программой Тамбовского Союза русских людей, на сельских сходах и коллективных собраниях выразили готовность "идти навстречу всем начинаниям союза", поддерживать его в политических кампаниях.

Политический вес консервативных организаций определялся тем, что их принципы и программы встречали поддержку среди представителей всех слоев населения. Изначально образованные "из лиц разных званий и состояний", эти организации представляли собой объединения единомышленников всех сословий. Большинство составляли крестьяне, мещане, купцы, ремесленники.

Объединение людей различных по происхождению, профессии, образованию демонстрировало возможность мирного развития страны по пути прогресса без революционных потрясений. С этим в известной мере соглашались даже политические противники. На заседании "Общества старых большевиков" в 1923 г. один из его участников характеризовал политическую ситуацию в Тамбовской губернии после первой российской революции: "Мощная организация Союза русских людей во главе с директором Серафимовской гимназии Поповым и местным купцом Дедовым ... впитала в себя громадное количество учителей и почти все поголовно (если не ошибаюсь) духовенство города Тамбова. Кроме того, Союз имел большое количество агентов в Тамбовских вагонных мастерских, что окончательно делало невозможным для Тамбова революционную работу".

Однако самодержавие, не имевшее опыта диалога с обществом, не спешило сотрудничать даже с теми общественными силами, которые выступали в его поддержку. Отношение к проправительственным общественным организациям со стороны властей было двояким.

С одной стороны, царь Николай II неоднократно принимал их депутации, публично желал им успеха и процветания, возложил знаки Союза русского народа на себя и на цесаревича Алексея. На верноподданнических телеграммах, в том числе от союзов Тамбовской губернии, император делает пометки: "Прочел с удовольствием", "Искренно благодарить за выраженные чувства" и т.п. Эти ответы члены консервативных организаций воспринимали как высочайшую милость, служащую "громадным утешением и ободрением" их деятельности.

Несмотря на это никаких послаблений проправительственные организации по сравнению с другими политическими объединениями не получили. 27 июня 1906 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин отмечал, что некоторые губернаторы запрещают деятельность отделений Союза русского народа, выполнившего все требования указа об обществах и союзах 4 марта и незарегистрированного к тому времени лишь в связи с задержкой открытия Санкт-Петербургского городского по делам об обществах присутствия. 14 сентября 1906 г. последовал циркуляр Совета министров о запрете государственным служащим вступать в политические партии. Формально запрет касался участия лишь в антиправительственных организациях, но на практике не поощрялось членство чиновников во всех общественных объединениях. Государственные служащие спешили перестраховаться: давали подписки об отказе участвовать в любых политических организациях, присутствовать на собраниях, обсуждающих политические вопросы. Это лишало легальные политические организации, как отмечали учредители Борисоглебского отдела Союза русского народа, "многих полезных, а потому и желательных людей".

Местные власти, в том числе в Тамбовской губернии, оказывали консервативным союзам определенное покровительство. Активное участие в организационном оформлении консервативного движения на Тамбовщине принял советник губернского правления Г.Н. Луженовский. Благоклонно относились к русским национальным организациям вице-губернаторы Н.Е. Богданович и П.Н. Масальский, губернаторы В.Ф. фон-дер Лауниц и Н.П. Муратов. Они посещали общие собрания, принимали участие в торжественных мероприятиях Тамбовского Союза русских людей и местных отделений Союза русского народа, иногда выступали на них с приветственными речами.

Однако власти не рассматривали эти организации (впрочем, как и все остальные общественно-политические объединения) в качестве политических партнеров. Попытки консервативных союзов выступить в роли посредника между властью и населением правительственные канцелярии настойчиво отвергали. Тамбовский Союз русских людей и его Козловский отдел неоднократно обращались в различные министерства и ведомства, непосредственно к Председателю Совета министров П.А. Столыпину с предложениями об ужесточении наказаний за политические преступления, об открытии университета в Воронеже, об отчислении из университетов студентов за участие в революционных "беспорядках". Все эти обращения остались без ответа.

Деятельность общественно-политических организаций – даже в поддержку правительства – тормозилась различными бюрократическими препонами. 9 мая 1906 г. в газете "Тамбовские губернские ведомости" была опубликована статья "Приключения «русского» человека", в которой автор – активист Тамбовского Союза русских людей – подробно описывал свои попытки присоединить к союзу крестьян одного из сел Тамбовской губернии. Хотя этот активист получил письменное разрешение губернатора, ни местный учитель, ни священник не оказали ему никакого содействия. По возвращении в Тамбов "Ф.К." – так подписал статью автор – был арестован и провел ночь в заключении: полицейским чиновникам потребовалось время для выяснения всех обстоятельств дела. Приехав в то же село во второй раз, "чтобы довершить начатое дело", "Ф.К." столкнулся с новыми, еще более непреодолимыми препятствиями: за время его отсутствия земский начальник, узнав, что в селе побывал "агитатор", вызвал казаков. Перепуганные крестьяне жалели, что не убили "виновника своих бед". Хотя ситуация в итоге прояснилась: земский начальник дал разрешение "Ф.К." на его мероприятие, однако сельский староста, перестраховываясь, запретил устройство собрания крестьян и раздачу им листовок Тамбовского Союза русских людей. "Патриотический порыв" в итоге разбился о множество административных препятствий и неразберих, поставивших под угрозу здоровье и жизнь самого активиста. "Раздумываешь и не знаешь: чему приписать все эти препятствия и противодействие. И грустно станет на душе, особенно когда вспомнишь, что революционеры разъезжают всюду очень свободно и распространяют свои прокламации", – завершал свое повествование автор этой статьи.

Не однозначно складывались и отношения консервативных общественно-политических объединений с православной церковью.

С одной стороны, Тамбовский Союз русских людей изначально зародился в кругу лиц, близких к редакции официального органа Тамбовской епархии журнала "Тамбовские епархиальные ведомости". На страницах этого журнала союз печатал свои очерки, листовки, протоколы общих собраний. Его торжественное открытие и общие собрания проходили в здании Серафимовского духовного училища. Первым председателем Тамбовского Союза русских людей (до сентября 1906 г.) был ректор духовной семинарии архимандрит Федор. В составе руководящего органа, как и среди членов союза, было немало представителей клира. Неоднократно участвовал в его торжественных мероприятиях, присылал свои приветствия и благословения епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий, характеризовавшийся за это либеральными газетами как "великий черносотенник, стоящий во главе черносотенников".

С другой стороны, накануне выборов в I Государственную Думу публикуется обращение Святейшего Синода, запрещающее церковнослужителям участие в политических партиях. 18 сентября 1906 г. священники 2-го Козловского благочиннического округа ходатайствуют на съезде депутатов Серафимовского училищного округа о запрещении Тамбовскому Союзу русских людей устраивать собрания в здании Серафимовского училища. Запрет мотивировался тем, "что эти собрания приносят пыль и грязь, изветшивают полы, мебель, окраску стен, требуют наряда особой прислуги и тем наносят ущерб экономии училища; с другой стороны, духовенство полагает, что учебное заведение не может быть притоном какой-либо политической партии, местом для митингов; наконец, духовенство опасается и за существование самого здания, которое, вследствие ненависти и злобы между политическими партиями, может быть разрушено или повреждено". Съезд удовлетворил это ходатайство и постановил "просить Правление училища впредь не допускать каких-либо собраний в здании училища, не имеющих отношения к училищному делу, в особенности политического характера". Такая перестраховка показалась чрезмерной епископу Тамбовскому и Шацкому Иннокентию. Его резолюция гласила: "Это постановление было бы понятно, если бы учинили его о.о. польские ксендзы или иудейские раввины, но в устах русского православного духовенства оно не только странно, но и грустно. Русским людям, сплотившимся ради сохранения основ русской жизни в смутное время, отказывает в гостеприимстве русское православное духовенство! Борцов за господство православной веры в русском государстве гонят вон православные иереи! ... Странно и грустно, непонятно и обидно за само духовенство. ... Настоящее постановление, в мотивах которого так много мелочности, скопидомства, равного плюшкинскому, фальшивой тревоги и ложного страха, не утверждается".

20 сентября 1906 г. на заседании II пастырского собрания духовенства Тамбовской епархии раздались голоса порицания членам Тамбовского Союза русских людей С.Д. Бельскому и Н.И. Дмитревскому за их участие в политической организации. Некоторые депутаты в резких выражениях осудили "реакционную, противную всякому прогрессу" деятельность Союза русских людей. На собрании Тамбовского Союза русских людей 22 октября 1906 г. некая "госпожа А." заявила, что "частная жизнь членов союза не ограждена от нападков, ибо священник П.Б. высказал ей через ее мужа порицание за посещение собраний Союза русских людей". Такая позиция в значительной степени обуславливалась тем, что священники боялись мести со стороны революционеров, не были уверены в получении защиты от правительства и в большинстве своем уклонялись от любой политической деятельности.

Консервативные общественно-политические организации, защищая самодержавие и православие, стали объектом травли и угроз (нередко приводимых в исполнение) со стороны политических оппонентов. Со страниц центральных и местных либеральных газет в их адрес следуют обвинения в "реакционности", "кровожадности" и т.п. На борьбу с "черносотенцами" выступили и леворадикальные партии, которые в отличие от консервативных объединений Тамбовской губернии, не совершивших ни одной противоправной акции, перед насилием не останавливались.

"Организация черной сотни" стала, одним из пунктов смертного приговора, вынесенного Тамбовской организацией Партии социалистов-революционеров советнику губернского правления Г.Н. Луженовскому. Эсерка М.А. Спиридонова 16 января 1906 г. расстреляла его на перроне Борисоглебского вокзала разрывными пулями.

2 мая 1906 г. семинарист В.А. Грибоедов, активный участник революционных демонстраций, покушался на жизнь председателя Тамбовского Союза русских людей, ректора духовной семинарии архимандрита Федора, "пользовавшегося, – как подчеркивал начальник Тамбовского губернского жандармского управления, – среди революционеров репутацией «ярого черносотенника»".

Борисоглебский уездный исправник, сообщая губернатору об образовании отдела Союза русского народа, объяснял "вялость" его работы боязнью мести со стороны революционеров, особенно вероятной после покушения на председателя Главного Совета Союза русского народа А.И. Дубровина.

Угрожающие письма с эпиграфом "смерть челоноконенавистнику", "смерть черносотеннику" неоднократно получал почетный председатель Козловского Союза русских людей А.С. Жихарев.

В результате, отвергаемые правящей элитой, терроризируемые политическими оппонентами, консервативные общественно-политические организации были обречены на упадок и угасание. Самодержавие так и не осознало необходимости создания собственной партии власти. Политика правительства в этом направлении осталась неизменной, что стало одной из причин катастрофы самодержавия в 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Ильин С.А.* Консервативные общественно-политические объединения Российской империи: образование и легализация (на материалах Тамбовской губернии) // Труды Тамбовского филиала Юридического института МВД России. Вып. 4. Тамбов, 2001.
- 2 *Ильин С.А.* Национально-религиозная ситуация в Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тамбов, 1999.
- 3 *Ильин С.А.* Организационное устройство русских национальных объединений начала XX в. (на материалах Тамбовской губернии) // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России. Вып. 6. Тамбов, 2003.
- 4 *Ильин С.А.* Политический террор в Тамбовской губернии в годы первой российской революции (1905 – 1907 гг.) // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России. Вып. 7. Тамбов, 2004.
- 5 *Ильин С.А.* Русские национально-патриотические организации и Манифест 17 октября 1905 г. (На материалах Тамбовской губернии) // Общественно-политическое развитие Российской провинции (XIX–XX вв.): Сборник научных статей. Вып. 1. Тамбов, 2001.
- 6 *Помогаев В.В.* Аграрный вопрос в программе Тамбовского Союза русских людей // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник научных статей. Вып. 3. Тамбов, 2000.
- 7 *Помогаев В.В.* Русские национально-патриотические организации в Тамбовской губернии // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник научных статей. Вып. 2. Тамбов, 1998.
- 8 *Помогаев В.В., Ильин С.А.* Российские политические партии и аграрное движение в Тамбовской губернии // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник научных статей. Тамбов, 2002.
- 9 *Помогаев В.В., Фомина Л.Б.* Генезис русского национализма (На материалах Тамбовской губернии) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник научных статей. Тамбов, 1996.
- 10 *Стрелков А.Т.* Партии правительственно-монархической ориентации // История политических партий Центрального Черноземья: Сборник статей. Курск, 1995.
- 11 *Шарова Н.В.* Аграрная программа русских национально-патриотических организаций (на материалах Тамбовской губернии) // Российское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник научных статей. Вып. 1. Тамбов, 2004.
- 12 *Щербинин П.П.* Средние слои Тамбова и черносотенцы в годы первой российской революции // Проблемы политической социологии и истории: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Тамбов, 1992.

О черк 3

ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 – 1918 гг.)

Д.Н. Погорелый

Аграрные преобразования в Тамбовской губернии после Февральской революции явились одним из наиболее показательных фрагментов "общинной революции" 1917 г. Взаимоотношения собственников земли и основной массы крестьянства предопределяли ход политических событий в стране, что требовало от правительства своевременных и эффективных мер в области землепользования. Одной из таких мер стало формирование в соответствии с постановлением Временного правительства "Об учреждении земельных комитетов" от 21 апреля 1917 г. системы земельных комитетов по всей стране.

На основе данного постановления планировалось создать Главный земельный комитет и соответствующие комитеты губернского, уездного и волостного уровней. Таким образом, крестьянам предоставлялась возможность принять непосредственное участие в решении аграрного вопроса до Учредительного собрания. Временное правительство, по признанию министра земледелия А.И. Шингарева, со своей стороны стремилось предотвратить самочинные действия крестьян и провести подготовительные мероприятия к аграрной реформе.

Прологом к созданию земельных комитетов стали весенние губернские и уездные крестьянские съезды, отразившие настроение крестьянства. Депутаты I крестьянского съезда в Тамбовской губернии 6–7 апреля 1917 г. в итоговой резолюции первым пунктом обозначили необходимость отмены частной собственности на землю и запрещение всех видов сделок с землей. 21 – 24 мая II-й губернский крестьянский съезд прибавил к этому требование снижения налогов на землю и передачи ее в распоряжение местным органам самоуправления. В соответствии с Постановлением от 21 апреля задачи земельных комитетов сводились к следующим: 1) разрешение споров по земельным делам; 2) контроль за своевременной обработкой земли; 3) подготовка материалов к аграрной реформе с учетом специфики местного хозяйства. Упоминания о возможной отмене частного земле-

владения, полном контроле угодий и инвентаря в законе не было, земельные комитеты являлись лишь временными вспомогательными государственными учреждениями с ограниченным кругом задач. Это противоречие между интересами крестьян и реальными полномочиями земельных комитетов существенно осложнило их работу впоследствии.

В то же время, земельные комитеты планировались как демократические организации с участием представителей местных общественных и административных учреждений. Так, в состав губернского земельного комитета вошли: член Тамбовского окружного суда, представители 9 организованных к середине июня уездных комитетов, 3 представителя от губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, представитель от губернского исполнительного комитета, 2 представителя из земства, и по одному представителю от политических партий – эсеров, энесов, социал-демократов, кадетов. Возглавил губернский земельный комитет председатель губкома партии эсеров Н.Н. Бобынин. Уездные комитеты создавались по аналогичной схеме: часть членов избиралась на земском собрании, часть присылали губернский комитет и другие организации (земство, мировой суд, исполнительный комитет). Волостные комитеты избирались сельским населением на сходах.

Темпы образования земельных комитетов по Тамбовской губернии в целом соответствовали общероссийским: к 15 июня образован губернский (первое рабочее заседание прошло 23–24 июня) и 9 из 12 уездных земельных комитетов (см. табл. 1).

1 Образование земельных комитетов в Тамбовской губернии летом 1917 г.³

Уезд	Дата образования	Волостных земельных комитетов		Всего волостей в уезде
		до 1 августа 1917 г.	до 1 октября 1917 г.	
Борисоглебский	2(9?) июня	32	32	32
Елатомский	6 июня	6	20	26
Кирсановский	14 июня	25	37	37
Козловский	2(?) июля	39	не уст.	41
Лебединский	30 июня	16	16	16
Липецкий	11 июня	4	11	11
Моршанский	9 июня	33	41	41
Спасский	12 июня	4	8	16
Тамбовский	11 июня	36	не уст.	46
Темниковский	17 июня	не уст.	не уст.	24
Усманьский	12 июля	не уст.	не уст.	25
Шацкий	27 июня	6	26	26
Всего		Не менее 201	Не менее 194	341

Классовый состав земельных комитетов, как и следовало ожидать, оказался преимущественно крестьянским. Даже в уездных земельных управах (руководящих органах комитетов) по данным на 9 уездов из 44 членов 45,7 % составляли крестьяне по происхождению, служащие – 31,8 %, учителя – 9 %, рабочие – 4,5 %, прочие – 9 %. О составе волостных земельных комитетов можно судить по относительно полным данным по Кирсановскому уезду. В 23 из 25 существовавших комитетов работали 121 человек из них: крестьян – 97 (80,2 %), служащих – 11 (9,2 %), солдат – 11 (9,2), ремесленников – 9 (7,4 %) и 1 обозначен в анкете как торговец⁴.

На вопрос о политической принадлежности в анкетах давались противоречивые ответы, свидетельствующие о политической безграмотности крестьян. Обнаруживаются, например, сторонники "партии Совета крестьянских депутатов" или просто "крестьянской". Тем не менее, более половины все таки назвали себя эсерами (вероятно и остальные имели ввиду эту партию). Наиболее влиятельной политической силой в системе земельных комитетов таким образом оказалась партия социалистов-революционеров, аналогичная ситуация сложилась и в соседних губерниях (председатели Курского, Пензенского, Рязанского губернских земельных комитетов были эсерами).

Первой проблемой, с которой столкнулись земельные комитеты, стало недостаточное финансирование. Губернский земельный комитет имел средства в среднем на 5 – 7 волостных комитетов в каждом уезде. По закону организация волостного земельного комитета в каждой волости была необязательной, однако именно они являлись основными землеустроительными учреждениями на местах, они давали заключения по решению земельных конфликтов, в обход которых ни губернский, ни уездные не должны были выносить своих постановлений. Поэтому имеющиеся средства, как правило, распределялись среди всех образовавшихся комитетов. Не допускалось и совмещение должностей в исполнительных, земельных и продовольственных комитетах в целях экономии средств. После формирования земельных комитетов в компетенции исполнительных и продовольст-

³ Подсчитано по: Государственный Архив Тамбовской Области (ГАТО). Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 6. Л. 6л-6л об.; Д. 7. Л. 57 – 58, 60–61 об., 74 об.; Д. 9. Л. 35, 37об., 47–48, 111, 113, 114, 116; Д. 17. Л. 12; Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

⁴ Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 5. Л. 66 – 147.

венных комитетов остался сбор налогов, распределение военнопленных на полевые работы, учет хлебных запасов, борьба с самогоноварением. Большую часть работы земельных комитетов составлял учет земли, инвентаря и разрешение земельных споров.

23 июня губернский земельный комитет издал "Распоряжение № 2" допускающее учет земельными комитетами необработанных земель и незадействованного инвентаря с целью "более рационального использования". Волостные и уездные земельные комитеты сразу же начали борьбу за расширение полномочий, требуя установления контроля над частновладельческими землями. В Декларации от 8 июля Временное правительство обещало расширить компетенцию земельных комитетов, а 12 июля был опубликован закон о запрещении земельных сделок до Учредительного собрания, чего давно требовали крестьяне. Однако расширения прав от правительства земельные комитеты так и не добились. Инструкция министра земледелия В.М. Чернова от 16 июля, адресованная земельным комитетам, составленная в весьма витиеватых выражениях, по существу лишь закрепляла прежние права комитетов. Управляющий Министерством Внутренних дел И.Г. Церетели в это же время издал серию циркуляров, в которых требовал от губернских комиссаров пресекать самоуправные действия земельных комитетов в отношении помещичьей собственности. Еще более жесткие требования предъявило министерство земледелия Министерство юстиции.

Вполне оправданная мера – учет незадействованных земель и инвентаря – часто проводилась земельными комитетами при скрытом давлении крестьян на помещика. У собственников земли отбирали военнопленных, запрещали наемным рабочим работать в хозяйстве помещика, обеспечивая таким образом "запустение". Подобные случаи зафиксированы в Липецком, Моршанском, Шацком, Елатомском, Усманском уездах. В отдельных случаях (уже в июле) имения просто конфисковывались и распределялись между местным населением без какого-либо повода. Так было, например, с имениями Лейхтебергского и Хренникова в Тамбовском уезде.

Наряду с легализацией захватов земельные комитеты вели активную политику по пересмотру условий арендных договоров. Губернский земельный комитет на первом же заседании понизил арендные цены на 50 % по сравнению с ценами трех последних лет (в среднем до 15 р. за десятину). Недовольные этой мерой помещики засыпали окружной суд жалобами, обращались в губернский земельный комитет с объяснением своего бедственного положения, но безрезультатно. В свою очередь, представители местных земельных комитетов приводили веские аргументы в пользу понижения цен. Например, председатель Елатомского уездного земельного комитета 9 августа на собрании представителей всех уездов сообщил, что несогласие помещиков с новыми "грабительскими ценами" привело к разгрому одного из имений, и установлению символической платы за землю в другом (менее 2 р.) Аналогичные сообщения поступили из Борисоглебского уезда.

Вопрос о размерах арендной платы для помещиков вообще становился бессмысленным, так как деньги поступали в кассу земельных комитетов, они выплачивали с них налоги, осенью 1917 г. часто принимали решения о самофинансировании за этот счет, так что владельцу ничего не оставалось. Показательным в этом отношении является работа Шацкого уездного земельного комитета. 8 июля он постановил передавать арендные деньги владельцам земли, а 7 августа разгорелась острая борьба за принятие нового постановления "более отвечающего сложившейся в деревне ситуации". Земельный комитет решил ходатайствовать перед Временным правительством (!) о покупке на эти деньги облигаций "Займа свободы". Председатель комитета помещик Л.Х. Смолдовский выступил категорически против этого решения и сложил с себя полномочия председателя.

Отчуждение земли у собственников во внешне законных формах, казалось, должно было гарантировать успех земельным комитетам и снизить напряженность в деревне. Однако очень скоро крестьяне перестали довольствоваться мелкими уступками. Не получив значительной части помещичьей земли они быстро разочаровались во всех крестьянских организациях. В сознании сельских жителей, не понимавших всей сложности подготовки аграрной реформы, укреплялась идея "черного передела". Деятельность земельных комитетов летом 1917 г. в связи с этим не останавливала крестьянское движение, а лишь придавала ему более спокойную форму. В сентябре и эта возможность земельных комитетов была исчерпана. Отдельные крестьянские выступления в конце августа – начале сентября, сопровождавшиеся избиением и убийствами помещиков и мелких собственников, вылились в масштабное восстание. 12 сентября в Козловском и Тамбовском уездах было введено военное положение, а 13 сентября губернские власти издали "Распоряжение № 3" о начале учета земельными комитетами всех частновладельческих имений. Местная администрация и губернский земельный комитет таким образом приняли единственно возможную меру для сохранения уцелевших хозяйств.

"Распоряжение № 3" было одобрено губернским комиссаром К.Н. Шатовым, окружным прокурором М.К. Вольским, большинством общественных организаций (исключая Тамбовское дворянское собрание и Всероссийский союз земельных собственников). Реализация распоряжения началась, несмотря на отчаянное сопротивление помещиков, подавших на его авторов в суд. Предупреждения о противозаконности акта первое время поступали и от Временного правительства, однако, местное руководство сумело отстоять неизбежность подобного решения.

Учетные мероприятия, несомненно, ослабили погромную волну, так как после них следовали новые пожалования в пользу малоземельных крестьян, приходило осознание, что частная собственность на землю упразднена. Вместе с тем помещики продолжали жаловаться в суд, в губернский земельный комитет теперь уже на нарушение самого "Распоряжения № 3" и дополняющей его инструкции. Во время учета земельный комитет

мог не выдать хозяину акт о проведенном учете, опись имущества, уволить управляющего экономии, учесть имущество не относящееся к хозяйству и т.п.

Таким образом, уничтожение частного землевладения в Тамбовской губернии произошло еще до октябрьского переворота, что стало, пожалуй, самым ярким явлением аграрной революции 1917 г. Деятельность земельных комитетов, в связи с этим, выглядела последовательной реализацией решений весенних крестьянских съездов о безвозмездной передаче всей земли трудовому народу. Декрет о земле как основная декларация СНК по аграрному вопросу выглядел не более чем пропагандистским актом, подтверждающим право крестьян на то, что они уже делали в Тамбовской и других губерниях. После "Распоряжения № 3" подобные акты в 1917 г. были приняты Сердобским уездным земельным комитетом Саратовской губернии, в Воронежской, Орловской, Курской и Нижегородской губерниях. Не удивительно, что сразу после переворота большевики не приостановили деятельность земельных комитетов, а закрепили их право на учет имений.

Одновременно началось возвышение советов. По замыслу большевистского руководства вертикаль советов должна была обеспечить наилучшую реализацию декретов СНК вне зависимости от решений Учредительного собрания и административных учреждений старой власти. Большевистские агитаторы (как правило, солдаты и матросы, возвращающиеся с фронта) получали единодушную поддержку тамбовских крестьян, началось переизбрание и создание новых Советов крестьянских депутатов. Земельные же комитеты по окончании учета имений чтобы сохранить свой административный вес должны были либо начать раздел земли, либо передать полномочия советам.

В январе-феврале 1918 г. наблюдалось вялое сопротивление губернского земельного комитета усилению советов – попытки объединиться с земством, однако после принятия закона о социализации земли на III Съезде советов, возложившего все аграрные преобразования на советы, история земельных комитетов была завершена. 20 февраля губернская земельная управа собралась на свое последнее заседание и приняла решение о вынужденном самороспуске. В этот же день Тамбовский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил о роспуске всех земельных комитетов и передаче их дел в земельные отделы советов.

Своеобразным эпилогом истории тамбовских земельных комитетов стала реализация закона о социализации земли. Уже на первых этапах этой работы стало ясно, что крестьяне не получают достаточного количества земли. Уравнительный передел по продовольственной норме без активной переселенческой политики и интенсификации сельского хозяйства был неэффективной мерой. Сохранившиеся, а порой усилившиеся, чересполосица и дальнотемелье вызывали конфликты и стремление к новым переделам. Норма в 1,32 десятины "на едока" была осуществима только в Борисоглебском, Кирсановском, Лебедянском и Тамбовском уездах, остальные 8 уездов не могли обеспечить и этого минимума.

Вместе с тем проведенная земельными комитетами практическая работа была, безусловно, значимой в аграрной истории 1917 г. Успех или неудача их деятельности при слабой, размытой власти были предопределены настроениями крестьян, действующих с точки зрения высшего государственного интереса иррационально. Политика Временного правительства оказалась слишком абстрагированной от реалий деревенской жизни, большевики же, наоборот, стремились осуществить то, что желало большинство, не задумываясь об экономических последствиях этого пути. В этих условиях замена земельных комитетов, земотделами советов, неизбежная в силу их институциональной несовместимости, была облегчена изменением настроения деревни в пользу советской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. (На материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 1974.
- 2 Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Тамбов, 1998.
- 3 Журналы, протоколы, доклады, указы, резолюции и постановления I, II и III губернских съездов и губернского совещания крестьянских депутатов в г. Тамбове. Тамбов: Исполком губ. Совета крестьянских депутатов, 1917.
- 4 Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975.
- 5 Крошицкий П., Соколов С. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов, 1927.
- 6 Протасов Л.Г., Сельцер Д.Г. Земельные комитеты в 1917 г: новый этап изучения // Общественные организации в политической системе России 1917 – 1918 гг. М., 1992. С. 20 – 26.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В. В. Красников

Придя к власти, большевики осознали, что реализация поставленных партией целей невозможна без создания собственной управленческой структуры, которая должна была наполняться преданными партийной идеологии кадрами. Проблема кадров сразу стала рассматриваться как главная на всех государственных уровнях. Но приступить к кадровой политике большевики смогли только с началом мирного периода, так как предыдущая работа по комплектованию кадрового состава партии носила ярко выраженный милитаризованный характер, что было оправдано условиями военного времени.

Период гражданской войны серьезно сказался на кадровом составе партийных структур. В-первых, после ее окончания партийные организации, особенно в регионах, затронутых антоновским восстанием, понесли тяжелые кадровые потери. Например, в Тамбовском и Кирсановском уездах потери во время восстания составили более 75 % деревенских партийных работников. Всего в губернии было убито более тысячи коммунистов. Во-вторых, персональный состав советских и партийных организаций требовал коренной реорганизации, что было возможно лишь при условии появления большого количества работников на местах. Примером могут служить доклады, поступавшие в губком из уездов. В одном из них говорилось, что уездной партийной организации для перестройки ее работы необходимо как минимум 60 коммунистов, а прислано только 8. В-третьих, руководящие места в партии заняли люди, которые привыкли к военным методам и вседозволенности в управлении. Такие методы управления были преобладающими, а контроль за порядком осуществления управления практически не велся. К концу войны слой таких руководителей занимал ведущие позиции в аппарате. Были и другие руководители, однако, можно с уверенностью сказать, что к моменту перехода к нэпу местный руководящий партийный состав представлял собой сложный и неоднородный аппарат. Но господствующая управленческая психология сформировалась в ходе гражданской войны, что и предопределило методы и стиль работы партийно-государственных кадров. Особенно неудовлетворительным было состояние низших управленческих структур. Характеристика низовых руководителей была иллюстрацией к положению в РКП(б) в целом. Состав низовых организаций был слишком пестрый, как говорилось в отчете одного из членов Козловского укома Тамбовской губернии от февраля 1920 г. "За небольшим исключением всех коммунистов можно разбить на три категории: коммунисты-обыватели, тяпкины-ляпкины и просто обросшие мхом". Отчет показывает, что кадровый потенциал, особенно на местах, был крайне слаб. У местных партийных организаций порой попросту некого было выдвигать. Процесс поиска подходящих кадров для укрепления многочисленных слабых и разрозненных парторганизаций стал постоянным.

Первой попыткой упорядочения кадровой политики стала, проводившаяся с июля 1921 г. Всероссийская перепись ответственных работников. Переписи подлежали все партийные и советские кадры. Ее итоги, с точки зрения партийного руководства, показали неудовлетворительный социальный состав кадровых работников. В 45 губерниях, где она проводилась, среди ответственных рабочих – 34,6 %, крестьяне – 16,3 %, служащие – 20,7 %, дети рабочих и крестьян – 13,5 %, прочие – 14,9 %. Среди председателей уисполкомов, секретарей и членов президиумов укомов было много выходцев из других партий. Уровень общеобразовательной подготовки был крайне низок, большинство кадрового состава не имело необходимой подготовки.

Следующей была поставлена задача учета и перераспределения существующих кадров. Октябрьский 1921 г. пленум ЦК РКП(б) принял постановление "Об учете ответственных работников и порядке их распределения". В нем отмечалось: "Рациональная постановка учета в настоящее время приобретает особо важное значение, ввиду необходимости наладить правильное распределение работников и максимально целесообразное их использование". Учету подлежали все пригодные для работы члены партии, как занимавшие ответственные посты, так и занимавшие их ранее не менее 6 месяцев, а также работники, вновь выдвигаемые на ответственные должности. На каждого внесенного в списки заводилось личное дело, без предъявления которого президиуму губкома никто не мог быть утвержден на должность. Распределение работников, не стоящих на особом учете, производилось в пределах уезда укомом самостоятельно. Перемещение и назначение ответственных производилось только по постановлению президиума губкома. Рядовые работники, прибывающие в распоряжение губкома, распределялись заведующим организационным отделом.

Другим способом решения кадровой проблемы стали уже испытанные методы – переброски и выдвижения работников. Изначально к переброскам и мобилизациям большевиков вынуждали объективные условия гражданской войны. К ее концу РКП(б) поразил не только кадровый, но и организационный кризис. Мобилизации проводились с трудом: люди устали от бесчисленных кадровых перестановок. Переброски затронули тысячи коммунистов. Кроме перемещений по линии ЦК широко применялись внутригубернские переброски партийных работников. К "ротации" часто относились негативно. Осенью 1921 г. секретарь Тамбовского губкома Б. А. Васильев подписал секретный циркуляр, в котором говорилось: "Всюду товарищей, перебрасываемых губкомом, встречают подозрительно. Их рассматривают или как секретных сотрудников по борьбе с контрреволюцией, которые приехали разгонять и арестовывать местных работников, или как напроштрафившихся, отправленных в ссылку".

К переброскам прибегали не только ради пополнения кадрового состава. Зачастую они были способом разрешения различных кадровых проблем. В плане работы ЦК РКП(б), утвержденном 26 мая 1921 г., говори-

лось, что "основная задача партии в настоящий момент – целесообразное распределение партийных сил, что неразрывно связано с выдвижением новых работников и перемещением их с менее на более ответственную работу... но не исключаются и другие мотивы перемещений, например, устранение трений между работниками, освежение работников новой обстановкой и другие". Казалось, что практика перемещений преследовала главную цель – пополнение местных организаций квалифицированными кадрами. Однако негатив этого явления прослеживается довольно отчетливо, так как чаще других перебрасывались скомпрометировавшие себя работники. Переброски за пределы губернии крайне затрудняли работу Тамбовского губкома. На X губпартконференции говорилось, что с июля 1920 г. по январь 1921 г. за пределы губернии по мобилизациям и индивидуальным отзывам ЦК выбыло до 600 человек, в том числе свыше 50 ответственных работников.

Переброска руководителей отрицательно сказывалась и на работе низовых партийных организаций. В отчете Кирсановского укомпарта говорилось, что перебрасываемых из уезда работников часто было больше, чем присылаемых им на замену, что только усугубляло кадровый дефицит, более того, присланные взамен работники были менее квалифицированы, чем выбывшие. Другим недостатком было использование присланных работников не по назначению, т.е. часто при устройстве их на работу не учитывались данные губкомом рекомендации. Переброшенные работники, в свою очередь, не слишком стремились к немедленному выполнению своих новых обязанностей, за редким исключением они требовали отпуск для сдачи дел по старым должностям и для принятия новых. В 1921 г. в Тамбовской губернии было осуществлено четыре внутренних переброски партийных работников.

По постановлению XI съезда партии переброски партийных сил должны были осуществляться немедленно, главным образом для усиления низовых ячеек, завкомов и месткомов. Тамбовский губком для исполнения этого решения наметил и осуществил переброску партийных сил к станкам. "Признавая необходимость переброски как с верховой на низовую работу, так и переброску из уезда в уезд, а также из губернии в губернию, необходимо руководствоваться как индивидуальными особенностями каждого товарища, так и знанием тех мест и условий, где ему придется работать. Переброску желательно осуществлять только при условии замены перебрасываемого лица", – говорилось в постановлении Тамбовского губкома от 1922 г.

Местные руководители зачастую видели в перегруппировках и частом обновлении составов волисполкомов и сельских советов важный метод укрепления низового аппарата партии, поэтому нередко увлекались им. В совместном циркуляре губком и губисполком в августе 1923 г., отмечали, что такие перегруппировки и обновления "определенно расходятся с основными принципами организации Советской власти на местах, предусмотренными Конституцией и постановлениями Всероссийского съезда Советов по Советскому строительству, а также существующими положениями о волисполкомах и сельских советах". Однако было трудно сломать сложившуюся практику. Так, замена председателей и членов волисполкомов и председателей сельских советов, принявшая массовый характер, часто производилась без наличия достаточных оснований, в результате нередко были случаи обратного принятия устранившихся и возвращения переброшенных на прежнее место работы. Проще говоря, декларируемый принцип выборности заменялся простым "назначенством" – перемещаемые работники не избирались.

Это приводило к отрицательным результатам, еще больше расшатывало волостные и сельские аппараты, порождало у работников неуверенность в будущем, боязнь высказать свое мнение; назначенцы не чувствовали никакой ответственности за свои действия, не считали себя обязанными перед кем-либо отчитываться, полностью зависели только от вышестоящих инстанций. В циркуляре, предназначенном для исполнения всеми уисполкомами и укомами, отмечалось, что "в тех случаях, когда председатели или члены волисполкомов не могут быть оставлены на своих должностях в данной местности по причинам склоки, кумовства и т.п., но могут быть использованы на тех же должностях в другой местности, их перемещение допускается, но должно производиться путем подачи об этом заявления".

В конфликтных ситуациях переброски рассматривались как средство погашения конфликта, но на личном уровне часто конфликты возникали именно из-за противостояния переброшенных работников со "старыми" коммунистами, работавшими на местах. Получалось, что с одной стороны, стараясь уладить какой-либо конфликт, руководство невольно порождало другой, единственным способом разрешения которого была все та же переброска. Такой метод решения кадровых проблем был тупиковым, необходима была новая система кадровой политики.

На XIII партийной конференции в январе 1924 г. обосновывалась необходимость назначенства. Причинами применения этой практики назывались пережитки у руководителей, порожденные "военным коммунизмом", существующая бюрократизация, низкий уровень многих провинциальных организаций. Другим важным моментом было признание неизбежности привлечения кадров из рабоче-крестьянской среды, так как интеллигенции было выражено политическое недоверие и как следствие этого невозможность привлечения ее в управленческие структуры.

Официальное признание необходимости формирования корпуса партийных и советских работников из рабоче-крестьянской среды послужило основанием для решения этой задачи путем выдвижения работников. Еще в августе 1921 г. в письме ЦК указывалось, что основным источником из которого следует черпать новые кадры должны были стать рабочие и крестьяне "безусловно преданные советской власти и честно относящиеся к выполнению своего классового долга". Выдвижения преследовали определенные цели: привлечение более широких партийных слоев к активной работе, увеличение и обновление руководящего состава партии, выделение из общей массы партийных работников людей, способных исполнять более широкую и ответственную работу.

Исходя из этого, все выдвигаемые работники делились на три категории: уездного, губернского и общероссийского масштаба. Выдвижение работников уездного масштаба возлагалось на каждую ячейку. Ее постановление направлялось в уком, который должен был принять меры к скорейшему использованию выдвинутых работников. В случае невозможности использования всех выдвинутых в пределах уезда, уком должен был сообщить об этом в губком. За полгода каждая ячейка должна была выдвинуть не менее 10 % своего состава. Столько же работников уездного масштаба нужно было выдвинуть на губернскую работу. Губком также был обязан принять все меры, чтобы все выдвинутые были использованы в ближайшее время, а в случае невозможности губком сообщал о неиспользованных в ЦК партии. Последний этап выдвижения – с губернского на общероссийский уровень. ЦК получал списки выдвинутых работников и сообщал об их назначении через газету "Известия" или на Всероссийских партконференциях и съездах. Выдвижения работников всех уровней должны были происходить не реже одного раза в месяц.

Указанный порядок выдвижения часто не соблюдался. Так, в циркуляре Тамбовского губкома от 30 января 1923 г. говорилось о недостаточно серьезном отношении укомов к вопросу выдвижения: "Отсутствует тщательная проверка пригодности, работники прикрепляются случайно, часто малопригодные и иногда потому, что занимают ответственные должности. Наблюдаются переводы ответработников с одной должности на другую и изменения категории при отсутствии к тому уважительных причин. Мер к выяснению пригодности работников укомы не принимают, сведения по их практической работе почти всегда отсутствуют. Приведенные факты свидетельствуют, что специализации ответработников в нашей организации неудовлетворительны".

Но выдвижения продолжали широко применять. В 1923 г. было выдвинуто из рядовых работников секретарями ячеек и волостей – 63 человека, председателями волисполкомов и секретарями сельских ячеек – 248. С волостной работы на уездную – 86 человек, с уездной на губернскую – 24. В 1924 г. выдвинуто 205 работников, из них с рядовой работы на среднюю 128, на уездную и районную 68 и на губернскую 9 человек. Выдвижение шло по двум направлениям: целевое – когда коммунист выдвигался на определенную должность или работу и случайное – когда в процессе работы обнаруживалось, что того или иного коммуниста целесообразнее использовать на другой работе. При выдвижении работников обычно руководствовались следующими критериями: пригодность для выдвижения на более ответственную работу, замена неправильно использованных и слабых работников, ударность работы, укрепление слабых организаций. Деревенских работников на волостную работу можно было выдвинуть по парторганизационной и агитационно-пропагандистской линии. Впоследствии выдвиженчество стало распространенным методом в кадровой политике РКП(б).

Кроме подготовки кадров путем их выдвижения на более ответственную работу, необходим был и более серьезный подход к делу приема новых членов в партию, так как состояние кадрового состава напрямую зависело от качественного состава принимаемых в партию новых членов. В связи с этим проблема приема в ряды РКП(б) была не менее существенна. Несмотря на то, что существующие правила приема в РКП(б) уже не раз были дополнены многократными циркулярами, они постоянно разъяснялись. Один из таких циркуляров, вышедший в 1920 г. назывался "Как должны себя держать сочувствующие и кого принимать в ячейки коммунистов". Документ строго предписывал ячейкам "не принимать в свою среду бывших полицейских, жандармов, бывших служащих полиции, занимающихся употреблением спиртных напитков, лиц с хулиганскими наклонностями и черносотенных партий", а также призывал исключить из состава ячейки "всех, кто своими неблагоприятными поступками могут бросить тень на ячейку и подорвать к ней доверие местного населения".

Одним из главных критериев приема в партию являлось социальное происхождение кандидатов и отсутствие у них качеств, разлагающих дисциплину. Процедура приема подробно излагалась в "Инструкции к уставу партии". Для зачисления в парторганизацию была необходима рекомендация двух членов РКП(б) или комитета другой парторганизации. Но уже первая широкая чистка партии осенью 1921 г. показала, что нужно пересматривать условия приема, так как "поручительство играло чисто формальную роль и ограничивалось 2–3 подписями товарищей, не знавших даже за кого они поручаются или кого рекомендуют в партию". Чистка показала проблему во всей ее широте. В партии оказалось слишком много "несоветских элементов". В результате X съезд РКП(б) постановил: "В случае нарушения новыми членами партии партийной дисциплины, коммунисты, рекомендовавшие их, подвергаются дисциплинарным взысканиям, вплоть до исключения из партии при повторении легкомысленных и неосмотрительных рекомендаций". В зависимости от причин, служивших основанием к исключению, рекомендовавшие могут быть привлекаемы к ответственности в партийном порядке. Такие меры в отношении рекомендуемых должны были защитить партию от ее "засорения" чуждыми элементами. То есть вводилась своеобразная круговая порука, плюс ко всему рекомендуемые должны были состоять в партии не менее года, а обязательный срок кандидата для рабочих и крестьян увеличился до одного года.

Таким образом, в 1921–1924 гг. прием крестьян в ряды РКП(б) был крайне ограничен. Например, в период с марта 1923 г. по май 1924 г. в Тамбовской губернии было принято в партию всего 103 крестьянина. Сельские партийные ячейки были малочисленными и доля коммунистов среди сельского населения оставалась низкой. На одну деревенскую ячейку в губернии приходилось 18 населенных пунктов, а на одного коммуниста – 645 беспартийных крестьян. Типичной для того времени была Лысогорская волостная ячейка Тамбовского уезда. При общей численности жителей волости в 28 тыс., согласно обследованию 1922 г., партийная ячейка насчитывала в своем составе 8 членов. По социальному положению все коммунисты были бедняками, кроме секретаря – бывшего рабочего. В политическом отношении ячейка была развита слабо.

В дальнейшем руководство продолжало ужесточать правила приема в партию, считая, что это поможет сохранить чистоту ее рядов. XII съезд партии принял резолюцию по организации урегулирования состава РКП(б). Съезд постановил: "Оставить условия приема, установленные XI съездом для кандидатов в партию рабочих, не

работающих у станка, крестьян, служащих и красноармейцев не из рабочих и крестьян, а также выходцев из других партий. В отношении промышленных рабочих, работающих у станка, количество рекомендуемых сокращается с 3 до 2 человек и их партстаж уменьшается до двух лет". Одновременно съезд подчеркнул, что партия по-разному относится к товарищам в зависимости от их классовой принадлежности и участия в производстве при приеме в партию и в кандидаты.

В связи с установленными правилами приема необходимо было правильно определить социальную принадлежность кандидатов. Именно по ней устанавливался кандидатский стаж и количество поручителей. Для правильного решения этого вопроса Тамбовским губкомом РКП(б) в сентябре 1922 г. был издан циркуляр для всех укомов, в котором отмечалось: "Часто укомы неправильно определяют социальное происхождение, от чего случается неправильное представление о социальном составе партии". Впредь предлагалось при определении социального происхождения, как вступающих в партию, так и уже состоящих в ней членов и кандидатов, руководствоваться следующими принципами.

Все кандидаты условно разбивались на 4 группы, из которых формировались 3 категории. Принадлежность к категории определялась социальным происхождением кандидатов. В соответствии с этими требованиями в первую категорию попадали рабочие, во вторую – крестьяне, в третью – интеллигенты и служащие. Таковыми же были и три первые группы вступающих в партию. Особого внимания заслуживает четвертая группа кандидатов, называемая "прочие". Кандидаты условно попавшие в эту группу распределялись по перечисленным трем категориям в зависимости от ряда условий. Рабочие, ремесленники и кустари, которые работали в мастерской не в качестве наемной силы, а как хозяева и при этом не эксплуатировали чужой труд, приравнивались ко второй категории. Также к четвертой группе были отнесены все учащиеся, которые подразделялись следующим образом: в первую категорию попадали те, которые ранее были наемными рабочими, во вторую категорию – те, которые были крестьянами "от сохи", все остальные учащиеся попадали в третью категорию. Все кандидаты, состоявшие до вступления в РКП(б) в других партиях и официально вышедшие из них с подтверждением этого через печать относились к третьей категории независимо от их социального происхождения.

Проблема приема в партию новых членов еще долго оставалась актуальной. Местные комитеты партии получали множество инструкций посвященных этому вопросу. Боязнь нарушить их вела к потере самостоятельности в вопросах приема. Например, в губком стали поступать запросы от укомов, касающиеся не только социального происхождения желающих вступить в партию, но и других сторон их жизни. Так губком вынужден был давать разъяснения на места по поводу приема в партию лиц престарелого возраста и неграмотных.

Одним из способов решения кадровых проблем партии должны были стать ленинские призывы. XIII съезд РКП(б) в резолюции "Об очередных задачах партстроительства" уделял особое внимание вопросу проведения ленинского призыва и изучению его результатов. Основной задачей призыва был лозунг: "Добиться в течение ближайшего года, чтобы в партии было больше половины рабочих от станка". Но, так как в ленинский призыв новые члены принимались в партию по упрощенной процедуре, то параллельно необходимо было следить и за их качественным составом, что удавалось далеко не всегда. Специальным циркуляром "Об изучении ленинского призыва" укомам и райкомам предлагалось: "Обратить особое внимание на вопросы качественного состава ленинцев, выявление их политической и культурной активности и степени ассимиляции с партией". "Смягчение" условий приема в партию для так называемых "непролетарских" элементов были относительными. XIII партсъезд отменил запрет предыдущего съезда попадающим в эту категорию крестьянам, служащим, учащимся переводиться из кандидатов в члены партии, но одновременно ужесточил предъявляемые к этим категориям лиц требования, необходимые для приема в партию. При переводе кандидата ленинского призыва необходимо было учитывать "насколько им усвоены основы партии, его дисциплину, знакомство с уставом, проявление активности при исполнении партийных обязанностей и поручений". Сохранялись три категории по которым велся прием в партию, но губком предложил пересмотреть, начиная с ячеек, всех отнесенных ко 2 и 3 категориям (крестьяне, кустари, ремесленники; служащие, интеллигенты, учащиеся) и не утверждать их окончательно, пока они не будут соответствовать выдвинутым условиям. Решение данного вопроса было чрезвычайно важным для партаппарата, о чем свидетельствует поручение губкома составить доклады по указанной работе и рекомендация "...в отличие от обычной неаккуратности предлагаемые доклады представлять обязательно своевременно". Основываясь на решениях съезда, главной своей задачей губком все же видел проведение широкой агитационной кампании по вступлению в партию рабочих. Для этого решено было даже облегчить рабочим вступление в партию. Например, при отсутствии у рабочих необходимых для вступления рекомендаций, парткомы должны были не более, чем в месячный срок организовать ознакомление членов партии, имеющих право рекомендации, с рабочими желающими вступить в партию. Также парткомы получили право рассматривать заявления от вступающих и без рекомендаций, при условии, что их рекомендует общее собрание рабочих предприятия и принятие происходит на открытом собрании ячейки. По результатам ленинского набора, закончившегося в Тамбовской губернии в июне 1924 г. из кандидатов в члены партии было переведено 2249 рабочих, в кандидатские школы принято 1421 человек, привлечено к практической работе в партии 577 человек. При вступлении в партию больших групп рабочих необходимо было тщательно проверять, чтобы совместно с ними не допустить приема служащих и других лиц.

Кадровая политика партаппарата приоритетно всегда была направлена на пополнение своих рядов рабочими и, насколько это было возможно, ограничивала прием представителей других социальных групп населения, даже наиболее "подходящих" для нее крестьян. Аппарат видел в них ненадежный элемент и прием их велся ограниченно и неохотно. Но явная кадровая слабость низших партийных структур – деревенских ячеек, непопулярность и малочисленность коммунистов в деревнях, все же требовала охватить партийной работой и эту

область. Так, например, специальным постановлением ЦК в мае 1924 г. было разрешено по всему СССР принять в партию 20 тыс. крестьян. Партийным комитетам всех уровней был разослан специальный циркуляр "О приеме в РКП(б) крестьян". Согласно ему при приеме в партию крестьян упор делался на батраков, "маломощных", лучших из середняков (т.е. тех из них кто служил в Красной Армии), крестьянок-делегаток, деревенских передовиков не использующих наемного труда и переходящим к коллективному ведению хозяйства. Этот слой крестьян прямо признавался в циркуляре "желательным для партии".

Но и на этом ограничения не заканчивались. Сначала прием крестьян из вышеперечисленных категорий производился в кандидаты сроком на один год на основании рекомендации трех коммунистов с трехлетним стажем и последующим утверждением губкомом. При этом необходимо было тщательно проверить вступающего на его участие в общественной жизни (выступления на сходках), в работе советских (волисполкомы, сельсоветы), кооперативных и профсоюзных организаций; отношение к бандитизму и т.д. Особо в циркуляре отмечалось, что специальных кампаний по вовлечению крестьян в партию проводить не следует, учитывая ограниченное число приема. Исходя из общей цифры, ЦК для каждой губернии установил норму приема крестьян. Для Тамбовской губернии она составила 300 человек, поэтому работу по приему крестьян в партию разрешено было вести наиболее сильным и крепким деревенским ячейкам, список которых был утвержден президиумом губкома.

Меры, предпринятые руководством РКП(б) по улучшению качественного состава партийных кадров были не столь эффективны, как этого требовало реальное положение дел. Уделяя достаточно много внимания вновь принятым членам партии, необходимо было не упустить из виду ситуацию в уже сложившихся партийных структурах, начиная с деревенских ячеек и вплоть до губкомов. Тем более, что ситуация была далеко не из лучших. Партию постоянно преследовали различные "болезненные явления". Документы свидетельствуют о продолжавшихся многих нарушениях среди коммунистов, но наиболее распространенным были пьянство и взяточничество, которые не раз являлись предметом различных директив и, даже, секретных циркуляров. В феврале 1923 г. вышло постановление ЦК "О борьбе со взяточничеством." По нему предлагалось всех коммунистов, уличенных во взяточничестве автоматически и беспощадно исключать из партии, а также виновных в попустительстве и недонесении об известных им случаях взятки. Аналогичные постановления принимались и для борьбы с пьянством в партийных рядах.

Одновременно с ужесточением правил приема в партию, руководство РКП(б) большое внимание уделяло чистоте партийных рядов, что в свою очередь, также обеспечивало необходимый кадровый потенциал. Для этого использовался специальный аппарат внутривнутрипартийной дисциплины – контрольные комиссии, которым в качестве главной цели определялось оздоровление партии и, в частности, состава ответственных работников. Их деятельность заключалась в приеме и рассмотрении жалоб. Тамбовская губернская контрольная комиссия призвала коммунистов сообщать ей о случаях всех преступлений против партии со стороны ее членов, "ни на минуту не стесняясь постом и ролью обвиняемых лиц". Она заявила, что считает обязанностью привлекать к ответственности всякое лицо, против которого будут выдвинуты обвинения. Но требовалось привести фактическое доказательство вины, т.е. указать источник обвинения, "чтобы легче вскрыть либо действительную виновность обвиняемого, либо клеветников".

Использование аппарата контрольных комиссий для борьбы с инакомыслием внутри РКП(б) особенно возросло в связи с объявленным партийным руководством переходом к новой экономической политике. К этому времени контрольные комиссии уже играли важную роль в деле очищения партийных рядов от "нежелательных" элементов, значительно ужесточая внутривнутрипартийный режим, так как чистки не только устраняли эти элементы, но и были направлены против оппозиционно настроенных членов партии. Таким образом, контрольные комиссии становились серьезным инструментом для решения постоянно возникающих кадровых проблем.

Контрольные комиссии ставили перед собой задачу: кроме оздоровления партийных рядов следить за тем, чтобы партийные комитеты на местах не уклонялись от линии ЦК, а ответственные работники соблюдали партийную дисциплину. Основная работа комиссий заключалась в приеме и рассмотрении жалоб на коммунистов. Заявления и жалобы на некоммунистическое поведение членов РКП(б) должны были приниматься как от членов партии, так и беспартийных. В своей работе местные комиссии руководствовались решениями X съезда РКП(б) и инструкциями Центральной контрольной комиссии. Согласно им они состояли из трех человек и действовали до новой губернской партконференции, после доклада на которой переизбирались. Обязательный партийный стаж членов губернской контрольной комиссии должен был исчисляться не позднее Февральской революции 1917 г. Постановления контрольной комиссии исполнялись губкомом партии и не могли быть им отменены. В случае разногласий вопрос рассматривался на совместном заседании губкома и губернской контрольной комиссии, если соглашения не достигалось, то решение принимал губернский съезд партии или губернская партконференция. В "Известиях ЦК РКП" отмечалось, что "нет специальной области, которая исключительно подведомственна контрольным комиссиям. Работу они ведут самостоятельно, решения выносят независимо от парткомов и только проводят их в жизнь, согласуя с ними". Все дела о нарушениях партийной дисциплины и этики в уездах направлялись в губернскую комиссию.

Все налагаемые контрольными комиссиями партийные взыскания преследовали определенные цели и в зависимости от них делились на три группы. В первую группу входили наказания, преследующие предупредительно-исправительную цель, которая достигалась вынесением выговора, порицания, сурового порицания с предупреждением без оглашения на общем собрании и в печати президиумом ячейки, райкомом или укомом партии. Вторая группа содержала те же наказания, но так как цель носила уже предупредительно-воспитательный характер, наложение взыскания сопровождалось оглашением его на общем партийном собра-

нии и опубликованием в партийной прессе. Такой порядок объяснялся тем, что "совершаемый членом партии или кандидатом проступок (например, выпивка, явное нарушение партийной дисциплины, неярко выраженное шкурничество и т.д.) может принять массовый характер и тем самым болезненно отразиться на слабых членах партии и на организации в целом". Третья группа наказаний преследовала конкретную цель – очищение партии от неугодных людей. Достигалась она путем исключения с оглашением решения на общих собраниях и в печати, с занесением имен исключенных на специальные "черные доски", выставляемые в общественных учреждениях. После этого, как правило, следовало распоряжение губкомпарта губернскому комитету труда о снятии исключенного с работы.

Тамбовская губернская контрольная комиссия, избранная в январе 1921 г., провела 36 заседаний, на которых рассмотрела 76 заявлений о различных проступках коммунистов. Наиболее распространенными были нарушения партийной этики – 14 случаев и "преступления по должности" – 10 случаев. Затем следовали нарушения партийной дисциплины и оскорбления – по 9 случаев, "шкурничество" – 6 случаев, участие в склоках – 5, пьянство – 3, отправление религиозных обрядов – 2 и др. В качестве наказания применялись следующие меры: исключение из партии – 11, строгий выговор с занесением в партбилет – 4, выговор без занесения – 5 случаев. Самым легким наказанием считалось устное партийное порицание ("поставить на вид") – 13 случаев. Часть поступивших заявлений оставалось без решений комиссий – они или передавались на доследование, или прекращались, но часто для принятия решения контрольная комиссия передавала дела комиссии по чистке партии или в суд. Это говорит о том, что жалобы на коммунистов зачастую сначала поступали в контрольную комиссию, даже если их проступки явно требовали разбирательства в судебном порядке.

Дальнейшая работа губернской контрольной комиссии характеризовалась прежде всего значительным увеличением объема рассмотренных дел. Так, с 1 марта 1922 г. по 1 марта 1923 г. поступило 746 заявлений, было проведено 79 заседаний по их рассмотрению. В отчете губкома XIV партконференции прямо указывалось на стремление некоторых уездных комитетов разрешать совершаемые коммунистами проступки "семейным способом". Например, Борисоглебский уездный комитет из 29 дел, связанных с пьянством коммунистов, за три месяца передал в губернскую контрольную комиссию только 9.

Изменился характер нарушений. Преобладающими проступками в организации стали нарушения партийной дисциплины (отрыв от организации, невыполнение своих обязанностей, оппозиция уездному комитету и др.) – 112 случаев, пьянство – 80, из которых 50 приходилось на ответственных работников, отправление религиозных обрядов (главным образом среди деревенских коммунистов) – 45 случаев. Росло число должностных преступлений, связанных с низкой профессиональной подготовкой коммунистов. Рабочие и крестьяне, попадая на ответственную работу, не могли с ней справиться. Среди сельских партийцев возросло также число уголовных преступлений, включая самогоноварение – 41 случай.

Количество поступивших в комиссию заявлений (а следовательно, поступков, совершаемых коммунистами) значительно увеличивалось не смотря на постоянное уменьшение численного состава парторганизации: в январе 1921 г. – 7018, в декабре – 4612, в январе 1922 г. – 4495, в марте – 4208, в январе 1923 г. – 3452 члена РКП(б). Большую часть преступлений губернская контрольная комиссия напрямую связывала с непом, потому как именно "имущественное обрастание", "уход в свое хозяйство" квалифицировались как основные нарушения партийной дисциплины. Даже увеличение отравлений религиозных обрядов среди коммунистов напрямую связывалось с желанием поправить свое имущественное положение: "богатая деревенская невеста не желала выходить замуж без церковного брака".

Рост количества проступков, совершаемых коммунистами, был связан с главным противоречием в политике проведения нэпа: давая относительную экономическую свободу, большевики и не помышляли даже о минимуме политических свобод, наоборот, нэп понимался ими как кратковременное отступление от коммунистических принципов. Поэтому проведение нэпа в жизнь сопровождалось еще более сильным "завинчиванием гаек" в политической и общественной сфере. Нэп воспринимался большинством коммунистов негативно, что проявлялось в резко отрицательном отношении к хозяйственно выделившимся товарищам. В рядах большевиков началось размежевание, приведшее к очередному витку борьбы за единство рядов партии.

Проблема численности и единства рядов партии вытекала из необходимости быстрого заполнения партийными кадрами гражданского и военного аппарата. Вследствие этого пополнение партийных организаций велось всевозможными средствами, наиболее эффективным из которых, с точки зрения быстрого увеличения численности, было проведение партийных недель, когда в партию просто записывали всех желающих. Такой способ решения одной проблемы вскоре породил новую, ставшей не менее актуальной, проблему: чтобы быть правящей, надо было не только наполнять госаппарат кадрами, но и следить за тем, чтобы в парторганизации не попадали случайные лица. Чтобы не потерять доверия широких масс, партия вынуждена была освободиться от проникших в нее разнородных элементов. Особенно остро эта проблема стояла в провинции, где в парторганизации попадало много просто "примазавшихся" и даже уголовников. Положение в Тамбовской губернской партийной организации – лишь яркая иллюстрация к ситуации в РКП(б).

Осознание остроты проблемы заставляло местные власти принимать меры. IX Тамбовская губернская партийная конференция, состоявшаяся 15 – 18 июля 1920 г., обязала все уездные комитеты очистить парторганизации от преступных и недостойных элементов. Прежде всего губком предложил решительно и безжалостно очистить партийные ряды от пьяниц, используя различные дисциплинарные взыскания, вплоть до исключения из

РКП(б). В циркуляре губкома "О партийной дисциплине" устанавливалось, что проступки, признаваемые общественным мнением как преступные, могут повлечь за собой наказания как отдельных партийцев, так и местной организации в целом. В качестве мер наказания для рядовых коммунистов определялись: партийное порицание, публичное порицание, понижение в должности, перевод в другой партком с поручением менее ответственной работы, временное отстранение от ответственной партийной и советской работы, перевод в кандидаты, временное исключение и исключение из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям. Взысканиями для организации были: порицание, назначение временного комитета сверху, общая перерегистрация (роспуск организации).

Наиболее серьезной проблемой было пьянство, принявшее общепартийный характер. Поэтому принимались жесткие меры воздействия. Так, распоряжением губкома от 3 августа 1920 г., предлагалось исключать из партии за пьянство простым постановлением укома. Причем, ответственных работников, как особо дискредитирующих советскую власть и партийную организацию, губком требовал арестовывать, дела на них передавать в ревтрибунал, до суда заключать в концлагерь. Членов партии, уличенных в распространении спиртных напитков, необходимо было арестовывать и направлять в губчека, где к провинившимся применялись самые жесткие меры наказания по законам военного времени. Укомам, замеченным в укрывательстве пьяниц, недостаточной борьбе с ними, губком грозил суровым партийным наказанием. В декабре 1922 г. пленум губкома постановил: "Повести решительную борьбу с пьянством в рядах партийной организации". Дошло до того, что президиум губкома вынужден был за усиленное пьянство отозвать и передать в губернскую контрольную комиссию из одного уезда секретаря губкома и председателя уисполкома, а также одного подпольного коммуниста, подверженного запою. В губком постоянно поступали сведения о многочисленных, увеличивающихся случаях пьянства в Тамбове и некоторых уездах, например в Шацком, где "спились две деревенские ячейки". Дела губернской контрольной комиссии свидетельствовали об особенном увеличении пьянства в уездах осенью, после уборки урожая.

Причинами исключения из РКП(б) кроме пьянства были: неподчинение партийной дисциплине, халатность в работе, дискредитация партии, преступление по должности, уклонение от мобилизации и др. Основанием для исключения могли быть и религиозные взгляды, например, нежелание порвать с церковью, церковный брак, соблюдение религиозных обрядов и т.д.

Были случаи, когда между губкомом и укомами возникали противоречия по поводу причин исключения из партии. Бюро губкома, рассматривая представленные материалы по делам об исключении, в некоторых случаях не соглашалось с решением укома. Это объясняется тем, что уездный партийный актив отличался известным радикализмом, рьяной приверженностью установленным порядкам в вопросах партийной дисциплины. Более того, секретари укомпартов часто стремились показать губкому свою личную непримиримость к нарушителям дисциплины, активность в выполнении партийных директив, будучи уверенными, что "лучше перегнуть, чем недогнуть", а ошибки, в крайнем случае, устранил губком. Этим уездное партийное руководство страховало себя от обвинений в "интеллигентской мягкотелости", игнорировании партийной линии.

Работники губернского звена учитывали это, занимая более реалистичную позицию. Так например, Липецкий укомпарт принял постановление об исключении из РКП(б) на основании лишь "интеллигентного происхождения". В ответ на такое решение губком указал, что исключение возможно только "за конкретное действие, а не за происхождение". Некоторые укомпарты, представляя документы об исключении для получения санкции, часто недостаточно полно и четко формулировали причины исключения. На это губком в июне 1920 г. обязал укомы представлять на утверждение исключительно протоколы общих собраний организаций, которым по уставу было предоставлено право исключения из РКП(б). В протоколах необходимо было точно и полно формулировать причины исключения, кратко указывать суть заключения следственных комиссий, если следствия имели место. По всем делам членов партии, находящихся под судом и следствием на общегражданских основаниях, вопрос об исключении из РКП(б) решался после вынесения приговора, и лишь в исключительных случаях, когда виновность коммуниста не вызвала ни малейшего сомнения, решение вопроса о его исключении допускалось.

Практика партийной работы подтверждала, что на провинившихся коммунистов практически всегда налагались соответствующие взыскания. Однако многие члены РКП(б), будучи уже приговоренными к наказанию за различные проступки, оставались в партии. Поэтому 29 декабря 1920 г. наркомат юстиции издал постановление, по которому наказание коммунистов в суде должно было сопровождаться исключением их из партии. Наркомат "в интересах очищения партии от чуждых ей элементов" потребовал от губернских отделов юстиции немедленного распоряжения совнарсуду, народным судьям и ревтрибуналам о срочном информировании местных парткомов как губернских, так и уездных, о каждом подвергнувшемся наказанию члене РКП(б).

Устав и инструкции РКП(б) предоставляли право всем исключенным, а также переведенным в кандидаты, условно исключенным и подвергнувшимся дисциплинарному взысканию коммунистам подавать жалобы о неправильном партийном решении. Жалобы должны были подаваться только через уездный комитет РКП(б), который со своим заключением высылал их в губком. Поданные вне установленных правил жалобы губкомом не рассматривались. Необходимо отметить, что большинство поданных на действия укомов жалоб, после их рассмотрения губкомом оставались неудовлетворенными. Так например, в результате партийной чистки 1921 г. в Тамбовский губком поступило 356 обжалований из которых только 33 было удовлетворено, т.е. подавшие их были восстановлены в РКП(б).

Принятые в 1920–1921 гг. меры были малоэффективны, они не решили, ставшей острейшей, проблему чистоты рядов "правящей партии". Применяемые партийным руководством методы, направленные на оздоровление кадровой ситуации на самом деле не отличались ни дальновидностью, ни большой эффективностью. Переброски, выдвижения, учет и перераспределение кадров, в том виде, в котором они осуществлялись в 1920-е гг., всегда давали только временный эффект, по истечении которого проблема возникала снова, порой даже в еще более неприглядном виде. Как показало дальнейшее развитие ситуации, эта проблема стала для коммунистов постоянной, борьба за партийные кадры со временем приобрела перманентный характер. Стремление партийного руководства к созданию однородной по своему социальному составу партии автоматически приводило к ухудшению ее качественного состава. Не имея возможности по-другому улучшить свое положение в обществе, "социально чуждые элементы" пытались проникнуть в партийные ряды, что давало бы им такую возможность, но теперь они искали для этого другие пути – скрывали свое социальное происхождение. С 1924 г. на смену взвешенной политике по вопросам приема в партию пришло стремление к количественным показателям, достижению установленного числа подходящих по своему социальному происхождению членов партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Красников В.В.* Выборы местных органов власти в Тамбовской губернии в 1921 – 1925 гг. Социально-политический аспект // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв.: Мат. междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 483 – 487.
- 2 *Красников В.В.* Избирательное право в первые годы советской власти // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. науч. ст. СПб., 2003. С. 79 – 87.
- 3 *Красников В.В.* Советы в системе местных органов власти в начале 1920-х гг.: попытка реорганизации (на материалах Тамбовской губернии) // Политическая история советского общества: взгляд из XXI века: Сб. науч. ст. СПб., 2003. С. 14 – 26.
- 4 *Красников В.В.* Партийный и государственный аппарат Тамбовской губернии в 1920 – 1921 гг. // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы: Сб. науч. ст. Вып. 1. Тамбов, 2003. С. 151 – 160.
- 5 *Красников В.В.* Лишение избирательных прав в политической практике большевиков в 1920-е годы // Формирование специалиста в условиях региона: Новые подходы: Мат. IV Всерос. межвуз. науч. конф. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2004. С. 57 – 61.
- 6 *Красников В.В.* Кадровая политика РКП(б) в 1920-е гг. // Формирование специалиста в условиях региона: Новые подходы: Мат. V Всерос. межвуз. науч. конф. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2004. С. 67 – 71.
- 7 *Красников В.В.* Становление системы власти в Тамбовской губернии (1921 – 1925 гг.): Монография / Под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Никулина. СПб.: Нестор, 2005. 121 с.
- 8 *Никулин В.В.* Формирование и функционирование системы власти в Тамбовской губернии в 1920-е годы. // История Тамбовского края: актуальные проблемы: Учеб. пособие / Под ред. д-ра ист. наук, проф. А.А. Слезина. Тамбов, 2005. С. 63 – 83.
- 9 *Никулин В.В.* Власть и общество в 20-е годы: Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921 – 1929 гг.). СПб.: Нестор, 1997. 194 с.

О черк 5

СОЮЗ ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ: ТАМБОВСКИЙ СЛЕД

А.А. Слезин

С середины 1920-х гг. заметную роль в общественной жизни страны стал играть Союз безбожников, строящийся как широкая организация рабоче-крестьянской общественности. Союз возник в 1924 г. (официально – с 1925 г., когда состоялся I съезд членов "общества друзей газеты "Безбожник") и был официально сформирован лишь в 1947 г. Основу общества составили местные антирелигиозные кружки и общества. Общество выпускало свои печатные издания. В частности, с 1925 г. издавался журнал "Безбожник", с 1928 по 1932 г. – журнал "Деревенский безбожник". Выходило множество местных антирелигиозных периодических изданий, в частности, газета "Наш безбожник" в Тамбове.

Особые надежды при создании Союза безбожников возлагались на комсомольцев, проявивших активность в ходе изъятия церковных ценностей, "комсомольского рождества" и антипасх начала 1920-х годов. В комсо-

мольские ячейки устав был разослан в первую очередь. В одном из первых циркуляров исполнительного бюро союза безбожников комсомольцы назывались наиболее подходящими кадрами для пропаганды безбожия. Ставились задачи развернуть соревнование на полное обезбоживание сел, очищение от всех остатков религиозного быта, на лучшее проведение религиозных кампаний, безрелигиозных свадеб, похорон, октябрин и т.д. И действительно, по крайней мере в большинстве сел, именно комсомольцы составили костяк "безбожных" организаций. Людей более зрелых авантюристские лозунги привлекали меньше, вступали они в него, как правило, под административным давлением.

Впрочем, если сравнивать с предыдущим и последующим периодами, в середине 1920-х годов в действиях ячеек Союза безбожников преобладала "умеренная линия". Красноречиво это подтверждает тогдашний основной лозунг союза: "Через ОДГБ⁵ овладеем естествознанием, чтобы иметь крепкое оружие в борьбе с религией". Антирелигиозные мероприятия проводились под лозунгами внедрения в массы естественнонаучных материалистических знаний, преобразования культуры и быта.

В декабре 1926 г. политпросвет ЦК ВЛКСМ фактически сказал комсомольцам: "Если не знаете, как переубедить крестьян в их воззрениях о Боге – лучше молчите". Дословно это звучало так: "При отсутствии в подавляющем большинстве случаев в деревне сил, подготовленных для антирелигиозной пропаганды надо решительно отказаться от попыток проведения широких лекций, докладов на массовых собраниях, тем более диспутов на антирелигиозные темы. Взамен всего этого надо организовывать в избе-читальне громкие чтения, используя для этого статьи и беседы из газеты "Безбожник". Оказалось, что значительно эффективнее массовых театрализованных антирелигиозных представлений, на которые истинные верующие просто не приходили, обыкновенное распространение атеистической литературы.

Между тем, подобные взгляды и методы работы, вполне отвечавшие требованиям высшего партийного руководства в середине 1920-х г., выглядели устаревшими в свете новых требований партии. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) И.В. Сталин сделал акцент на противоположном: "У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы". Немного раньше прозвучал его призыв "довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства". Ячейки безбожников все чаще критиковали за примиренческое отношение к религии, хотя критики они заслуживали, прежде всего, за неумелые выступления против религии, запугивание верующих, устройство диспутов силами неподготовленных активистов.

Безбожники, особенно молодые, хотели моментально изменить все мирозерцание отцов и дедов, не успев в достаточной мере сформировать свое собственное сознание. Критике были подвергнуты все церковные организации, все религиозные направления. На страницах антирелигиозных и комсомольских газет и журналов не оставлено было без внимания не только пьянство, разврат и драки между священнослужителями, но и причины раздоров, средства, с помощью которых наносились удары. Эта критика способствовала совершенствованию нравственного облика священнослужителя, но мирянами воспринималась положительно далеко не всегда. Общественное сознание было настроено против юнцов, поучавших старших, тем более священнослужителей. А случаи "напраслины", клеветы приводили зачастую к тому, что любой выпад против служителей религиозного культа, даже справедливый, воспринимался как оговор.

Что парадоксально, борясь с религиозными обрядами во время праздников, некоторые безбожники без старых обрядов, но все-таки отмечали религиозные праздники. Да и комсомольские антирелигиозные карнавалы многие крестьяне воспринимали все же именно как празднование, только альтернативное церковному. В комсомольских изданиях, как правило, рассказы о карнавальных шествиях сопровождалась насмешками: крестьяне, мол, не разобрались в чем дело, начали креститься, перепутали нас с "Живой церковью". Как сектанты рекрутируют себе сторонников, используя каноны той или иной мировой религии, но в непривычном, осовремененном звучании, так и безбожники привлекали к себе не только своим бунтарством, но и определенным традиционализмом. Как русское православное христианство со времен Киевской Руси вопреки желаниям иерархов церкви вобрало в себя некоторые языческие традиции, так и коммунистическая квазирелигия при всей жестокости борьбы с православием не могла не вобрать в себя хотя бы элементы вековых христианских традиций.

"Массовый атеизм" 1920-х гг. во многом внедрялся по аналогии с христианизацией Руси, когда на местах языческих святилищ ставились христианские церкви, в языческие заговоры вселялись имена христианских святых, а языческие имена людей заменялись христианскими. Советские безбожники пытались заменить церкви избами-читальнями, христианские праздники – коммунистическими, церковные песнопения – "Интернационалом" и т.п. Имена, которые раньше обычно давались при крещении, тоже заменялись новыми: Ким (в честь Коммунистического Интернационала Молодежи), Владлен (Владимир Ленин), Труд, Пролетарий, Сталина, даже Комсомолия... Вместо крестин устраивали октябрины. На место икон ставили "портреты вождей, на место креста, возглавляющего купол, пятиконечную звезду... Маркса изображают в виде Бога – отца на небесах с "Капиталом" в руках вместо скрижалей, а вместо архангелов летят красноармейцы с трубами". В это время можно было увидеть и крест с надписью "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и изображением серпа и молота.

Религиозные черты видели в деятельности безбожников, особенно комсомольцев, многие крестьяне. Симптоматична частушка, появившаяся в селе Раево Алгасовского района в период перехода к коллективизации. В местной комсомольской ячейке распространяли портреты Ленина, что и было отмечено народным творчеством:

*Комсомольцы – лодыри
Своего Бога продали.
Стали денег набирать,*

⁵ ОДГБ – общество друзей газеты "Безбожник".

Себе трактор покупать.

В общественном сознании крестьянства идеализированные представления о социализме как обществе всеобщего равенства и неограниченных возможностей для многих крестьян, особенно деревенской бедноты, оказались привлекательнее посулов священнослужителей райской жизни в загробном мире. Коммунистические идеологи обещали хорошую жизнь в ближайшем будущем и надежды на это в те годы нэпа, когда социально-экономическая ситуация улучшалась, все более укоренялись. В пользу коммунистов и комсомольцев работали пьянство и безделье, связанные с религиозными праздниками. Осуждая их, развертывая агрономическую пропаганду, передавая церковные здания школам и учреждениям культуры, коммунистические активисты в глазах значительной группы крестьян представляли как своеобразные "новые протестанты", осовременивающие веру в грядущее счастье. Характерно письмо крестьянина из села Грачька в газету "Тамбовский крестьянин": "Отступят крестьяне от поповского пути, и пойдя по правильному пути, намеченному еще покойным вождем Владимиром Ильичем... они скоро переедут через культурный мост той счастливой жизни к той цветущей жизни, которая зацветет во всем мире красным цветом октября".

Чрезвычайные меры в сельском хозяйстве разочаровали крестьян в их вере в социализм. В мае 1928 г. крестьянин села Озерок Юрловского района Козловского округа Т. Волков заявил: "После введения новой экономической политики крестьянство имело возможность сделать шаг вперед в сторону улучшения своего хозяйства, но этому ходу начинает противодействовать новая политика соввласти". Еще более ярко выразился в 1929 г. крестьянин из села Осиновка Тамбовского округа И. Свиридов: "Мы уже на большевиков молиться стали, подумали, что и вправду десять лет назад все так плохо было из-за разных бандитов, а они на нас вновь как антихристы пошли". Как в любой трудный момент российской истории, во время "великого перелома" усилилась религиозность крестьянства. Только теперь демонстрировать ее оно не смело. Антирелигиозная борьба была переведена в русло внутривластной борьбы, зачислялась в формы борьбы с правым уклоном, выдвигалась задача в первую очередь разоблачать контрреволюционную классовую роль религии. VIII съезд ВЛКСМ прямо требовал от комсомольцев "разоблачать духовенство как защитника интересов кулачества". Руководящие органы союза безбожников осуждали и "ультралевое анархическое фразерство", под которым понималось упрощение антирелигиозной пропаганды. На деле подобной болезнью страдали практически все местные организации союза безбожников, и в отличие от борьбы с правым уклоном борьба с "левизной" в деятельности первичных организаций отсутствовала.

Одной из форм наступления на церковь стала новая кампания по вскрытию и ликвидации святых мощей. Но теперь, помня о былых массовых протестах, власти не устраивали показательных глумлений над мощами. Военную операцию напоминало изъятие мощей Серафима Саровского 5 апреля 1927 г. Для ее проведения в Саров под видом паломников было направлено 12 сотрудников ОГПУ. В момент изъятия мощей Саровский монастырь был блокирован отрядами милиции, сразу же после ликвидации мощей участники этой процедуры разделились на две группы и покинули монастырь, увозя останки преподобного Серафима. Но и в данном случае не удалось избежать массового недовольства.

Бесспорно, вызывает уважение проведение диспутов со священнослужителями на темы типа "Есть ли Бог?". В то же время бросается в глаза, что когда у атеистов не находилось аргументов, они использовали оскорбления в адрес оппонентов. Во всяком случае, уважение к оппонентам отсутствовало. Радикально оценивалось и пассивное сопротивление антирелигиозной пропаганде. "Вражьей выходкой" в газете центральной черноморской области (ЦЧО) "Коммуна" 12 мая 1929 года назван уход группы крестьян с антирелигиозной лекции.

Антирелигиозная пропаганда велась буквально по каждому удобному и неудобному поводу. Так, призывая участвовать в обороне СССР, Центральный Совет Союза безбожников подчеркивал: "Безбожники должны разъяснять массам, что война против СССР благословляется попами всех стран".

С 1928 г. решительное "открытое наступление на религию" начала "Комсомольская правда". На своих страницах она убеждала, что за спиной кулака стоят многие религиозные организации, которые увеличивают силы, идеологизируют кулака. Газета стала инициатором критики Союза безбожников, обвиняемого в примиренческом отношении к религии. Более дружелюбным было отношение к союзу у руководства местных комсомольских организаций. Например, в декабре 1928 г. секретарь обкома ВЛКСМ ЦЧО С. Андреев призвал добиться, чтобы везде, где есть комсомольские ячейки, были и ячейки Союза безбожников. Вновь "разумной организацией праздничного досуга", якобы "предотвращающей массовые пьянки, хулиганства, обычно связанные с Рождеством" назывались антирелигиозные карнавалы. Антирождество праздновалось теперь целых две недели: от католического до православного. В избах-читальнях устраивались громкие читки антирелигиозной литературы, пение частушек, игры молодежи, хоровое пение.

В феврале 1929 г. за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Л. Кагановича в областные и окружные комитеты партии поступило письмо ЦК ВКП(б) "О мерах по усилению антирелигиозной работы". Духовенство, активные рядовые верующие, органы церковного управления и религиозные организации зачислялись в разряд противников социализма, назывались "единственной легальной действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы", им предъявлялись обвинения в мобилизации реакционных и малосознательных элементов в целях "контрнаступления на мероприятия Советской власти и компартии".

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление "О религиозных объединениях", в котором законодательно закрепил, что религиозные общества не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих, что следует запретить им какой-либо выход в общество. Профсоюз печатников принял постановление об отказе печатать в типографиях религиозную литературу. Руководством кооперации было дано указание на места о запрещении производства и продажи предметов религиозного культа.

В мае 1929 г. состоялся XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР, где даже такие умеренные большеви-

стские лидеры, как А.И. Рыков и А.В. Луначарский выступили с призывами резко усилить борьбу "с двумя главными... культурными врагами, со всевозможными церквями и религиями, в каких бы то ни было формах" (из выступления А.В. Луначарского). Именно на этом съезде из Конституции РСФСР было изъято положение о свободе религиозной пропаганды.

II Всесоюзный съезд безбожников в июле 1929 г. переименовал организацию в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Это стало наиболее ярким внешним выражением перехода власти к более активным антирелигиозным действиям. "Обращение Второго Всесоюзного съезда воинствующих безбожников СССР ко всем трудящимся, ко всем рабочим, крестьянам и красноармейцам СССР" было проникнуто нетерпимостью к религии: "Для нас борьба на антирелигиозном фронте есть только один из видов классово-политической борьбы, которую ведет труд против капитала...". Возраст вступающих в СВБ был понижен съездом до 14 лет. Создавались группы юных воинствующих безбожников, куда можно было вступить с 8 лет. (Это решение фактически лишь узаконило существующее положение. В Тамбовской губернии подобные группы существовали уже с 1927 г.). "Не должно быть ни одного предприятия, ни одного совхоза, колхоза и части Красной Армии без ячейки Союза воинствующих безбожников, не должно быть ни одной школы без такой ячейки, не должно быть ни одного пионерского отряда без детской группы безбожников", – потребовал II съезд СВБ. В то время, когда религиозные организации приравнивались к контрреволюционным, люди, не связавшие себя с безбожным движением, вполне могли попасть в разряд "религиозных примиренцев", а они в свою очередь назывались приверженцами "правого оппортунизма". Неслучайно на рубеже 1920 – 1930-х гг. так быстро росли ряды безбожников. Если в момент образования Центрально-Черноземной области в ней насчитывалось около 13 тысяч членов СВБ, то к июлю 1929 г. – 50 тысяч, а в мае 1930 г. – 130 тысяч. Весной 1930 года каждый пятнадцатый безбожник СССР жил в ЦЧО. Кроме того, к весне 1930 г. в области насчитывалось 8282 группы юных безбожников. В них состояли 165 423 учащихся 8 – 14 лет (каждый шестой школьник). Через год в ЦЧО было уже 200 тысяч членов СВБ.

Активно внедрялась новая форма марксистского образования – так называемая "безбожная учеба". Осенью 1929 г. во многих областных и окружных рабфаках открылись антирелигиозные факультеты. Повсюду действовали окружные, районные и городские курсы активистов безбожного движения. В пропагандистских материалах, как правило, утверждалось, что "религиозники" организуют антисоветские выступления масс, оказывают "давление" на низовые местные органы при перевыборах в советы, создают подпольные контрреволюционные организации, распространяют антисоветские листовки, поддерживают движение за постройку новых церквей, являются противниками учебы комсомольцев, оздоровления их быта. Фактическое обоснование этого или отсутствовало, или единичные примеры деятельности конкретных священников подавались как существенные для религии или более того – как организованное сопротивление. Законные протесты верующих против закрытия церквей, просьбы о проведении религиозных шествий расценивались как антисоветская деятельность.

При переходе к сплошной коллективизации в стране очень широко рекламировался опыт "безбожных" коллективных хозяйств в Центрально-Черноземной области. В области были созданы две "безбожные" машинно-тракторные станции (МТС). Никакая пропагандистская акция не работала так против религии, как трудовые успехи неверующих членов этих коллективов. Особенно повышался авторитет безбожников, когда их трудовые успехи соседствовали с невежеством верующих. Например, когда в колхозе "Муравей" организация кролиководческой фермы встретила сопротивление со стороны сектантов: "Разводить этого зверя грешно, он вроде кошки". В ЦЧО, где заболелания оспой в начале 1930-х гг. приняли эпидемический характер, некоторые проповедники запугивали верующих всеми муками ада, когда те собирались сделать себе противоосповую прививку. Разумеется, на этом фоне люди здравомыслящие более уважительно относились к безбожникам, проповедующим здоровый образ жизни.

На положительный имидж антирелигиозного движения сработало требование II съезда СВБ, заявившего, что "безбожник не может быть плохим рабочим у станка, лодырем, прогульщиком", и последовавшее через несколько месяцев выдвижение задачи охватить всех безбожников ударничеством.

Впервые в конце 1920-х гг. составной частью антирелигиозной работы стала антисектантская пропаганда, что было вызвано оживлением сектантского движения. В 1930 г. в ЦЧО было зарегистрировано 50 тысяч последователей 35 религиозных сект. Широко распространялись агитационные материалы сектантов. Особенно популярны были секты, имевшие местные отделы молодежи: адвентисты, баптисты, евангелисты. Сектанты привлекали девушек опрятной одеждой, трезвостью, вежливостью. Парни руководствовались и сугубо прагматическими целями: члены некоторых сект освобождались от воинской обязанности. Видимо, "сработали" пропаганда против традиционных религий и несогласие с порядками повседневной жизни в советском обществе. Молодежь устремилась к "третьей силе", не связанной догматами православных и коммунистических канон.

Примечательно, что как советские безбожники употребляли модифицированные религиозные символы и постулаты, так и сектанты использовали коммунистическую атрибутику, исполняя, например, религиозные песнопения на мотив "Интернационала". В сознании советских людей многих поколений прочно засел призыв "Учиться, учиться и учиться", ассоциируясь с речью Ленина на III съезде РКСМ. Коммунистический вождь призывал "учиться коммунизму". Сектанты же, выдвигая тот же лозунг, утверждали, что приобретение духовных, научных и практических знаний необходимо для утверждения "истинно христианской деятельной любви, честности, правдивости, чистоты и трезвости", в отличие от коммунистических организаций, отвергающих верующих из своих рядов, их оппоненты считали, что "сектантская молодежь должна создавать не только свои собственные организации, но также принимать самое деятельное участие во всех местных общественно-политических организациях".

Вдохновителям борьбы с сектантством во главе с Е.М. Ярославским, кстати, пришлось искать оправдания проявлениям симпатий большевиками сектантам в начале века, объяснять, что тогда сектанты были составной частью оппозиции общему врагу – царизму. Критика же сектантов рядовыми безбожниками строилась по схеме: умного они ничего сказать не могут, являются отпетыми классовыми врагами, их необходимо выявлять и изолировать от общества. Больше всего безбожников возмущало использование сектантами тех же форм и методов работы, что были на их вооружении. Под гневным заголовком "Сектанты опутывают молодежь" 12 мая 1929 г. газета "Коммуна" рассказывала отнюдь не о какой-то "нелегалитине", а об организации молодежных струнных оркестров, о покупке музыкальных инструментов и организации вечеров отдыха сектой адвентистов. Упрощенность подходов к критике сектантского движения на местах приводила к обратным результатам. Надуманные обвинения превращались в общественном сознании в заслуги сектантов. В связи с этим партийные органы вынуждены были запретить печатание каких-либо материалов по сектантству местными пропагандистами. В ЦЧО было распущено несколько колхозов, которые, по мнению властей, были замаскированной формой объединения сектантов.

Борьбой с религией, а не только "экономической целесообразностью" была обусловлена замена недель на так называемую "непрерывку". Оставались только числа месяца. Представляется неслучайным, что "Комсомольская правда" 13 декабря 1929 г. от имени "рабочего Верещагина" вещала: "Непрерывка – наш первый долг... С ней мы и попов путаем. Когда им теперь звонить – в воскресенье, нет ли? Большая тут благодарность советскому правительству". Ярославский Е.М. в статье с красноречивым названием "Переход к наступлению" ставил переход к непрерывке в один ряд с изменениями в Конституции, как важнейшие "предпосылки для вытеснения религиозной идеологии".

Православное рождество 1929 г. было объявлено "Днем индустриализации", вновь прошли "комсомольские карнавалы – похороны религии". Безбожники, в первую очередь молодые, наряжались в костюмы "богов", "монахов", "чертей", разыгрывали унижительные для верующих сценки, устраивали принародные сжигания икон и Рождественских елок.

С рождественским праздником стали бороться с первых лет советской власти. Рождественской елке предписывалось стать новогодней. Исчезла рождественская открытка. На организуемые в школах, клубах и театрах елочные праздники стали приглашать детей рабочих, городской и деревенской бедноты. Вместо песенок о Рождестве у елки исполняли революционные песни. На елки водружали красные пятиконечные звезды, гирлянды красных флажков. А такие украшения, как ангелы, младенцы в колыбели и даже бумажные цепочки, расцененные как символы рабства, запрещались. Но все же и в 1920-е гг. елку воспринимали больше в связи с Рождеством, а не с Новым годом. Поэтому власть, в конце концов, и пришла к выводу о необходимости запрета елки. Запрет обосновывался не только религиозностью традиции, но и заботой о сохранении леса. Перестали производить и продавать игрушки. Надзор за соблюдением запрета подавался как проявление политической бдительности.

Однако, в 1929 г. елки еще не удалось "выселить" даже из квартир многих ответственных партийных и комсомольских работников. В печатном органе обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области "Ленинский путь" в феврале 1929 г. была опубликована редакционная статья "Религия в быту коммунистов и комсомольцев": "Наши елочные герои оправдываются ссылкой на то, что Ленин устраивал елки детям и они хотели сделать радость детям. Надо помнить, что "всякому овощу свое время" и, что было терпимо в начале Советской власти, совершенно недопустимо на 12-м году Октябрьской революции. Почему же елкой предоставлять радость детям обязательно на рождество, когда елка носит характер религиозных обрядов, а почему елок не устраивать в дни Октябрьской революции, Парижской коммуны или падения самодержавия? Если так вкусны куличи, почему их не делать не к дням религиозных праздников, и почему их изготавливать такой формы, какой их делают верующие? Разве нельзя просто сделать сдобный хлеб? И зачем красить яйца?"¹.

Уже в 1920-е гг. во всех техникумах и школах повышенного типа, при почти половине школ первой ступени были созданы антирелигиозные кружки. В части педагогических и медицинских техникумов и в старших классах школ вводились специальные курсы антирелигиозной пропаганды.

Безбожники устроили даже социалистическое соревнование в борьбе с религией. Так, Тамбовский окружной совет Союза воинствующих безбожников, принимая вызов Воронежского совета и вызывая в свою очередь на соревнование Козловский окружной совет, обязывался в течение 1930 г. утроить численность членов Союза воинствующих безбожников с 3000 до 9000, а число ячеек удвоить (до 120), вовлекая в школьные ячейки родителей учащихся. Планировалось также создать силами Союза воинствующих безбожников не менее одного колхоза, который должен был стать опытно-показательным ("без бога, но с агрономом"), поставить в нем систематическую антирелигиозную работу. Созидательные усилия можно разглядеть в обязательстве провести воскресники по вспашке зяби и по засеву ярового клина в хозяйствах крестьян-безбожников, оказать помощь беднякам-крестьянам.

На рубеже 1920 – 1930 гг. широко практиковались чистки среди партийных, советских, комсомольских, административных работников. Одним из мотивов попадания под чистку служила и религиозность ответственных, соблюдение ими религиозных обрядов.

Но не столько религиозные чувства самих коммунистов и комсомольцев, сколько их связи со священнослужителями рассматривались как преступные. Типичен в этой связи фрагмент отчета Алгасовского райкома ВЛКСМ, подготовленный по заявлениям комсомольцев: "В ячейке села Раево комсомолец, бывший секретарь

---

¹ Традиция оказалась настолько живучей, что во второй половине 1930-х годов власть вынуждена была "вернуть елки" и боролась лишь с религиозной символикой на них.

ячейки, пьянствовал в компании со священником и в конце концов попал под влияние семьи священника, женился на дочери священника ночью при закрытых дверях. В то же время, будучи секретарем сельсовета устроил протекцию сестре своей жены (она же дочь священника) в поступлении в педтехникум через усыновление ее на свою фамилию. В той же ячейке член РКСМ Хмуренков, ныне студент Московского рабфака, имеет связь с дочерью попа, шлет ей письма и в одном из писем пишет, что дескать, мол, ты не сумеешь устроиться учиться до тех пор, пока не вступишь в комсомол и не уедешь оттуда... до этого он же, будучи в деревне, старался протащить ее в комсомол".

В ходе нарастания темпов индустриализации страну захлестнула "антиколокольная компания". Президиум ВЦИК осенью 1929 г. принял следующее постановление: "Колокольный звон, производимый на всю данную округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо нарушает бытовые условия безрелигиозных трудящихся масс, особенно города, мешает труду и использованию трудящимся населением его отдыха". Полностью был запрещен трезвон (звон во все колокола). Инструкция исполнителям постановления ВЦИК на местах требовала: "При проведении этих мероприятий местные общественные организации обязаны предварительно провести широкую подготовительную кампанию". В подобных кампаниях организационные меры, как правило, сочетались с угрозами, давлением, репрессиями. В снятии колоколов традиционно участвовали местные безбожники. Они использовали эти факты для пропаганды: "Колокол сняли, а бог молчит..."

Поступление колокольного лома по стране за 1929–1930 гг. составило 11 тыс. т, для обработки которых в стране не было производственных мощностей и соответствующей технологии. Зачастую разбитые колокола довольно долго валялись на заводских дворах, вызывая еще большее недовольство верующих. Сил для протеста против действий безбожников, использующих в новом наступлении на религию всю мощь государства, у верующих не было. Вернее, верующие все больше осознавали бесполезность подобных протестов. Ведь крестьянские восстания в конце 1920-х гг. были направлены не только против хлебозаготовок и коллективизации. Восставшими выдвигались требования в защиту священнослужителей, против разрушения церковных зданий. По данным ОГПУ с января до середины декабря 1929 г. в ЦЧО состоялось 94 массовых выступления крестьян. Но все эти восстания неминуемо подавлялись. Власть откровенно демонстрировала пренебрежение к чувствам верующих, прагматизм, переходящий в надругательство над русскими святынями. Чего стоит хотя бы факт из истории города Кирсанова, главный собор которого (Успенский) стали использовать под ссыпку зерна.

Хотя в резолюции II съезда СВБ и подчеркивалось, что "наряду с критикой религиозного учения нужно давать положительные знания, нужно закладывать фундамент диалектико-материалистического мировоззрения", в реальности даже то, что подавалось как образец отстаивания научно-материалистического мировоззрения, в лучшем случае является примером вульгарного материализма. Характерен случай, рассказанный участниками экспедиции научно-исследовательского отдела Центрального Совета СВБ в ЦЧО. На экскурсии колхозников в соседний инкубатор старуха-крестьянка осмотрела все внимательно и сказала: "А все-таки бог есть!" Активистка СВБ, сопровождавшая экскурсию, ответила на сомнения старухи: "Полно врать, бабка. Вот я прибавлю температуру на один градус, и все 10 тысяч яиц пойдут насмарку, а ты говоришь есть бог". То, что старушка растерянно замолчала, вряд ли подтверждает ее отход от веры. Крепость убеждений, сформировавшуюся за долгую жизнь, не разрушить полунасмешкой-полуиздевкой. А вот безбожники формировали свои убеждения именно на подобных примитивных примерах. Примитивизм сознания вел к упрощению всего восприятия окружающей жизни, податливости к лозунгам и ультрапрагматическому подходу к науке, культуре. Отрицая этот пласт полностью, безбожное движение как по инерции данный нигилизм переносило и на прочие достижения дореволюционной культуры.

В октябре 1924 г. Л.Д. Троцкий восхищался, вспоминая о Ленине, рабочим из его охраны, который сказал ему, что если уж придется сдавать Питер, то лучше "подвести динамиту да взорвать все на воздух". На вопрос: "А не жалко ли Петрограда?" рабочий ответил: "Чего жалеть: вернемся, лучше построим". "Вот это настоящее отношение! Тут псаломщицкой плаксивости нет и следа", – писал Л.Д. Троцкий. Не было следа "псаломщицкой плаксивости" и в антирелигиозной работе.

С помощью своих экстремистских действий безбожники внедряли отнюдь не атеистические убеждения, а страх и озлобленность в верующих.

Ситуация резко усугубилась, когда в общественное сознание была привнесена теория об обострении классовой борьбы в процессе строительства социализма, еще более размежевавшая советское общество. В конце 1920-х гг. с религией боролись не как с "отвлеченной идеей о Боге", а как с "контрреволюционной силой". Один из официальных лозунгов ЦК ВКП(б) к 12-й годовщине Октябрьской революции гласил: "За рясой скрывается классовый враг. Церковники и сектанты – агенты кулаков и нэпманов. Поднимем массы на борьбу с религиозным обманом".

"Год великого перелома" стал решающим моментом и в истории безбожного движения в СССР. 1929 г. похоронил идею демократизации и усовершенствования законодательства о культурах. Именно летом 1929 г. на местах началось массовое закрытие церквей, сопровождаемое издевательствами над чувствами верующих, надругательствами над предметами культа. Один из способов закрытия церквей "за недостатком верующих" описал в конце 1929 г. в своем дневнике уроженец Тамбова Иван Иванович Шитц: "Предлагают округе, желающей сохранить храм, собрать столько-то подписей, но на подписном листе ряд вопросов: фамилия, оклад, партийность, происхождение и т.д., поставлены так, что в ответ на них лишат куска хлеба, ибо на службе, ни на какой, не допускают людей, открыто признающих себя верующими". Незакрытие церквей рассматривалось как недоделка не только партийных, советских, комсомольских органов, но и ячеек СВБ.

Под руководством Председателя ЦС СВБ Е.М. Ярославского проводилась политика, направленная на сужение круга деятельности религиозных организаций всех течений, сведение ее исключительно к отправлению религиозных обрядов, массовое сокращение тиража религиозных изданий с одновременным многократным ростом потока антирелигиозных изданий. Как покажет опыт последующих лет, форсированный рост СВБ был искусственным. Антирелигиозная пропаганда и массовые исключения из партии и комсомола за совершение религиозных обрядов постепенно все-таки делали свое дело: все меньше граждан участвовало в традиционных обрядах, не прибегая, как правило, и к новым обрядам. Под давлением комсомольцев из родительских домов исчезали иконы. Их заменяли портреты коммунистических вождей. Вместо крестиков комсомольцы носили комсомольские значки, а пионеры – красные галстуки. В учреждениях повсюду организовывались "красные уголки". "Красный угол" – место икон – отдавалось под новые агитационные материалы.

Видимо руководство партии и комсомола, не афишируя это, все же учитывало, что атеизм не может стать заменителем религии, удовлетворить потребности в высших целях, поскольку он не имеет позитивного начала. Полностью атеистическим СССР так и не стал, да его и не пытались сделать таким. Место разрушаемой религии заняла социалистическая идеология. Атеизм или, как чаще и точнее выражались, "безбожие", был лишь орудием в борьбе против старой системы ценностей.

Формируя "нового человека", коммунистические "архитекторы" наряду с голым отрицанием традиционных религий вселяли в общественное сознание безграничную веру в правоту партии и ее вождей, в скорое пришествие нового царства божьего на земле – коммунизма. Идея о мессианской, спасительной роли России превратилась в идею об авангардной роли СССР в мировой революции. Под влиянием этого общественное сознание становилось все более религиозным. "Вера – это то отношение к какой-либо идее (или комплексу идей), когда ценность ее – не в ее соответствии реальности, внешнему опыту, а в том, что она удовлетворяет нашим внутренним, человеческим потребностям, придает смысл и значение нашим жизням".

Сознание детей и молодежи 1920-х гг. (а они составляли абсолютное большинство воинствующих безбожников) в меньшей степени, чем сознание какого-либо другого из живших тогда поколений, было сориентировано на традиционные верования: в пору их детства и юношества религиозное воспитание было значительно затруднено действиями властей. К тому же сама окружающая обстановка (кровавая гражданская война, голод, несправедливости и противоречия нэпа) опровергала ценность многих религиозных идей. В отличие от людей старших поколений у молодежи не было "механизма защиты" от критиков религии. Только "дорогую" идею человек не отдаст на поругание критикам, а для большинства людей нового поколения христианская модель человеческого бытия таковой не являлась. Стремление к реальному, земному, а не потустороннему счастью становилось объектом веры "нового человека". В отличие от традиционных религий коммунистические идеологи обещали счастье в обозримом будущем, более кропотливо, чем религиозные проповедники, разъясняли, каким будет путь к этому счастью и в чем выразится оно само. К тому же вера отцов не помешала социальным катаклизмам, свидетелями которых молодежь была в детстве и юности. Поэтому сознание юношей и девушек работало, подобно пропагандистской мысли Е. Ярославского: "Разве религия спасала от войны? Религия сама была поводом для бесчисленного множества войн. Разве религия спасала от неравенства? Религия сама узаконивала это неравенство. Разве религия спасала человечество от проституции, от нищеты, от голода? Только коммунизм создает условия для жизни людей без классовой борьбы, – потому что коммунизм уничтожает деление людей на классы, без войны, потому что устраняет все причины, ведущие к войнам; без нищеты и голода – потому что повышает в огромной степени благосостояние всего общества; без угнетения человека человеком, потому что создает действительные условия для равенства свободных людей; без проституции, – потому что устраняет социальные причины проституции для общественного воспитания, для серьезной и широкой заботы обо всех родившихся. И если сейчас еще есть это общественное зло, то только потому, что нет коммунизма".

Более осязаемым, чем "божий промысел" было объяснение трудностей на пути строительства коммунизма: назывались конкретные враги. На восприятие этих упрощенных объяснений работали энергичность пропагандистов и малообразованность, низкая культура советских граждан. Став объектом веры, марксизм не перестал быть научной теорией, апеллирующей к разуму и фактам, но среди советского населения воспринимать таковой его могла лишь очень узкая группа лиц. Антирелигиозная пропаганда в основном и была ориентирована не на эту узкую группу, а на бедняцкие и пролетарские слои, наиболее податливые к упрощенным схемам, интересным примерам, красивым лозунгам. Для них атеизм был своего рода попыткой выделиться, неким хулиганством. Это подобные атеисты опубликовали в тамбовской стенгазете "Перо деревоотделочника" кощунственные строки:

*А теперь пора не та,
С богом я расстался,
Изувечил бы Христа,
Если бы попался¹.*

С остальными предпочитали говорить языком не убеждения, а запугивания, силы. Обретя веру в коммунизм, "новые верующие" постепенно ставили во все более трудное положение "новых староверцев". Пика роста СВБ достиг в 1932 г., когда союз насчитывал 5,5 млн. человек, в ЦЧО – 350 тыс. Однако после 1932 г. в официальных речах о численности союза идеологи воинствующего безбожия предпочитали молчать. Дело в том, что дальнейший рост организации прекратился, 1932 г. исчерпал возможности рекрутирования безбожников.

---

¹ Это подобные атеисты-Шариковы также готовы были изувечить Христа, как впоследствии многих высокопоставленных гонителей Христа.

А ведь именно в начале 1932 г. в Москве проходила XVII партийная конференция, сформулировавшая главную политическую задачу второй пятилетки – окончательно ликвидировать капиталистические элементы и классы вообще, полностью уничтожить причины, порождавшие классовые различия и эксплуатацию, преодолев пережитки капитализма в экономике и сознании людей, превратив все трудящееся население страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества. Разумеется, с точки зрения коммунистических идеологов сознательные и активные строители нового общества не могли быть людьми религиозными. Следовательно, необходимо было ожидать усиления антирелигиозной деятельности.

В советской исторической литературе периода перестройки в связи с этим обычно упоминалось разработку планов так называемой безбожной пятилетки. Однако ни в фонде СВБ в ГАРФ, ни в опубликованных заявлениях руководителей СВБ нам не удалось обнаружить свидетельств о причастности к этим планам Союза воинствующих безбожников. Приходится согласиться с петербургским профессором С.Л. Фирсовым, который приписывает разработку плана Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б). По этому плану к 1932–1933 гг. должны были закрыться все церкви, молитвенные дома, синагоги и мечети; к 1933–1934 гг. – исчезнуть все религиозные представления, привитые литературой и семьей; к 1934–1935 гг. – страну необходимо было охватить тотальной пропагандой; к 1935 – 1936 гг. должны были исчезнуть последние молитвенные дома и все священнослужители; а к 1936 – 1937 гг. – религию требовалось изгнать из самых укромных ее уголков.

СВБ в таком виде план "безбожной пятилетки" никогда не обнаружил. Более того, уже в 1932 г. стала проявляться тяга его лидеров к более последовательной научно-атеистической пропаганде. С 1934 г. Исполнительное бюро Центрального Совета СВБ не собиралось. В документах не раз встречаются фразы о почти полном прекращении работы союза в некоторых местностях. Сами безбожники некоторое загибше в своей работе нередко объясняли успехами в массовом отказе населения от религиозных убеждений. Например, афишировалось обследование условий жизни трехсот сельских жителей в период весеннего сева 1932 г. Подчеркивалось, что 75 % колхозников усердно трудились и в дни религиозных праздников. На самом деле крестьяне были просто запуганы жестокими методами установления внутриколхозной дисциплины. К тому же другое обследование показало, что около половины колхозников и в 1934 г. соблюдали религиозные праздники и обряды.

Более убедительной выглядит точка зрения все того же С.Л. Фирсова: на фоне все усиливавшейся классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму специальная антирелигиозная работа становилась все менее актуальной. Инициатива переходила в руки карательных органов, разоблачавших не только деятельность "контрреволюционеров-религиозников", но и зачастую тех, кто совсем недавно их разоблачал. Выдвигалась задача в первую очередь разоблачать контрреволюционную классовую роль религии и "контрреволюционные религиозные вылазки врага".

Бесспорно, значительно легче, чем вести настойчивую пропаганду, заклеить верующего как очередного врага народа. Например, заявила комсомолка тамбовского завода "Ревтруд" Шикина на политзанятиях, что "и попа можно избрать в советы, потому что среди попов есть хорошие люди" – и тут же ее высказывание было объявлено антисоветским.

Кстати, в Тамбове в 1937 г., к которому относится высказывание Шикиной, официально насчитывалось два православных прихода и две секты баптистов. Им противостояло 29 ячеек СВБ общей численностью 1575 человек. Но при этом в отчетах партийных и комсомольских органов подчеркивалось, что антирелигиозная работа по-прежнему остается "в забвении у большинства наших работников".

Власти были потрясены результатами переписи населения 1937 г., показавшей, что не менее половины взрослого населения страны все еще считают себя верующими. В какой-то мере поводом к активизации деятельности СВБ стала резолюция февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) о подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе. Партийно-политическая работа, в том числе и антирелигиозная должна была корректироваться и усиливаться.

Как известно, Конституция СССР 1936 г. по многим внешним характеристикам была значительно демократичнее Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г. В частности, резко расширился круг пользующихся избирательными правами. С точки зрения властей, этим в корыстных интересах воспользовались служители религиозного культа. В Тамбове был подвергнут травле протоирей Пospelов. Главное обвинение: посмел под новым флагом протаскивать свою чуждую идеологию.

Дело в том, что Пospelов прислал в редакцию "Тамбовской правды" письмо и текст своей лекции. Там он утверждал, что "советская власть, существующая в нашей стране с фактического сознания или признания народного есть не только законная, но и богоустановленная власть". Общественные язвы и грехи подавались, как вызвавшие революцию в качестве кары на них. Революция рассматривалась как остро-заразная эпидемия, коей присуще неудержимое стремление перебраться все страны. Счастье нашей страны виделось в том, что она первой благополучно пережила эту болезнь и получила как бы вторую молодость.

Спорная, но интересная теория Пospelова, разумеется, однозначно была подвергнута острой критике. Причем "разоблачая" Пospelова, местный партийный функционер Костриченко фактически прямым текстом (в отличие от Пospelова) вел самую настоящую религиозную пропаганду, хоть и называл ее чушь: "Видите ли, Советская власть является властью богоустановленной, отсюда вывод – молитесь богу, что он дал такую хорошую власть. Следовательно, веруйте в бога...". Не умея контраргументированно убедить слушателей, Костриченко вновь обращался к пресловутому административному ресурсу: "Нужно организовать работу так, чтобы врагу в голову не приходило выступить с такими наглыми тезисами".

В 1938 г. Костриченко был обвинен во вражеской деятельности и объявлен одним из главных ответственных за ошибки в антирелигиозной работе. В частности, именно отсутствием политической бдительности Костриченко, Каспарова и других бывших ответственных партработников объяснялось существование в Сухотинке "контрреволюционного гнезда": "Монашки жили в доме инвалидов, получали пенсию и ... проводили работу, направленную к организации контрреволюции. Они говорили, что Советская власть – антихристы. Изо дня в день они прививали там различные контрреволюционные толки".

В Мичуринском районе раскрыли "контрреволюционную религиозную организацию". Главное обвинение – в целях срыва выборов в Верховный Совет СССР скупали всю литературу по выборам, а затем сжигали ее.

В Ракшинском районе группа верующих была обвинена в поджоге церкви. Действие в духе безбожников на этот раз открыто осуждалось, потому то церковь использовалась как зернохранилище.

Популяризировали антирелигиозные частушки. Симптоматично, что социалистическая индустриализация и сплошная коллективизация родили новый тип антирелигиозных частушек:

*"Поп на паперти басит:
– Бог колхозы поразит.
А пионеры вдруг в ответ:
– Полно, батя, бога нет."*

*Октябренок у порога
Заявил: "Не верю в бога",
Хлеб дает нам не Христос,
А машины и колхоз".*

Вновь в антирелигиозной пропаганде господствовал "вульгарный" атеизм. Показательна в этой связи и книга "Молодежь и религия", изданная Государственным антирелигиозным издательством в 1938 г. Ее автор Ф. Олещук успехи безбожия показывал, сравнивая рост и вес молодых немцев Поволжья с подобными показателями в Германии. Кризис антирелигиозной работы Ф. Олещук объяснял по стандартам времени вражеской работой: "Враги народа, естественно, заинтересованы в том, чтобы сохранить религию и реакционное духовенство в нашей стране. Поэтому они стремились притупить бдительность трудящихся, отвести их внимание от борьбы с религией, с реакционным духовенством. В этих целях враги народа всячески распространяли "теории" о том, что религия уже отмерла в СССР, что антирелигиозную работу пора свернуть".

В 1938 г. местные организации СВБ стали понемногу восстанавливаться, состоялся даже пленум ЦС СВБ, принявший программу активизации религиозной деятельности. В 1939 г. при помощи ячеек СВБ в Тамбовской области было ликвидировано 95 церквей. Но по существу это была предсмертная агония безбожного движения. Руководство партии и страны все более осознавало, что при благоприятных для сторонников безбожия внешних показателях, истинная религиозность (как вера глубокая и непоказная) практически не уменьшается. Во время Всесоюзной переписи населения верующие отказывались отвечать на вопросы переписного листа или отвечали "контрреволюционно". Современные исследователи считают, что таких "контрреволюционеров" было около половины населения. Власть потеряла интерес к организации безбожников, а без поддержки власти СВБ было явно не выжить. Формально союз существовал вплоть до 1947 г., но фактически бездействовал уже с самого начала Великой Отечественной войны, которая заставила не только народ, но и власть вспомнить о Боге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
- 2 *Алексеев В.А.* Рекруты безбожной пятилетки // Перспективы. 1991. № 4. С. 90 – 98.
- 3 *Алленов А.Н., Просветов Р.Ю.* Социальное сопротивление тамбовского крестьянства религиозной политике советской власти в 1929–1930 гг. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв.: Мат. междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 490 – 495.
- 4 *Антимонов М.Ю.* Церковь, государство и школа конца 1930-х годов: точки соприкосновения (на материалах Тамбовской области) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. Вып. 3. СПб., 2005. С. 121 – 126.
- 5 *Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917 – 1932.* М.: ОГИЗ, 1932. 527 с.
- 6 *Громов Е.С.* Сталин: искусство и власть. М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. С. 49 – 56.
- 7 *Кашеваров А.Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917 – 1941. СПб., 1995. 138 с.
- 8 *Кученкова В.* Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. 184 с.
- 9 *Лебина Н.Б.* Деятельность "воинствующих безбожников" и их судьба // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 154 – 157.
- 10 *Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н.* Кирсанов Православный. М.: Пробел, 1999. 176 с.
- 11 *Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991): Мат. и док. по ист. отнош. между госом и церковью* // Сост. Г.М. Штриккер, 1995. Кн. 1. 399 с. Кн. 2. 462 с.
- 12 *Фирсов С.Л.* Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета. 2002. 30 окт.
- 13 *Шитц И.И.* Дневник "великого перелома" (март 1928 – август 1931). Париж: Имка-пресс, 1991. 325 с.

О черк 6

ПРОБЛЕМЫ ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1950 гг.)

С.А. Есиков, А.В. Пеньков

На состояние и развитие тамбовской деревни в первые послевоенные годы оказывал влияние целый ряд факторов.

Хотя на территории Тамбовской области боевых действий в годы войны не велось, наблюдалось значительное сокращение численности населения в связи с всеобщей мобилизацией и людскими потерями на фронтах. В 1941 – 1945 гг. погибло более 170 тыс. человек, призванных военкоматами Тамбовской области. На состояние трудовых ресурсов области воздействовали различные миграционные процессы. В сравнении с 1941 г. в 1946 г. численность населения сократилась на 360 человек. Численность сельского населения, а затем и городского, после временного подъема стала неуклонно снижаться. Только в 1948 г. в сельскую местность из городов убыло 11 086 человек.

Несмотря на динамичные изменения в структуре населения, Тамбовская область в послевоенные годы оставалась регионом с преимущественно сельским населением. Основная часть крестьян трудилась в колхозах. Из общей среднегодовой численности в 1945 – 1949 гг. 513 тыс. человек колхозников-мужчин в возрасте от 16 до 60 лет и от 16 до 55 лет колхозниц-женщин лишь 388 тыс. человек принимало участие в работе колхозов.

Существенное влияние на состояние трудовых ресурсов оказала демобилизация. К 1 сентября 1946 г. в области демобилизованных воинов насчитывалось 79,1 тыс. человек, из которых 52,3 тыс. (66 %) вернулось в село. Демобилизованным оказывалась необходимая помощь. В связи с возвращением основного числа демобилизованных в сельскую местность в ряде районов были предприняты меры по укреплению за счет уволенных в запас руководящих кадров колхозов, совхозов и МТС.

Следующим фактором, повлиявшим на демографическую ситуацию, стала структура питания населения. В стране объективно не хватало продовольствия, действовала распределительная система. Значительная часть жителей городов и сел не получала физиологически необходимого количества калорийной пищи. Продовольственные трудности в первую очередь коснулись жителей села. Горожане недоедали, но все же гарантированно получали хлеб по карточкам, что обеспечивало минимум потребления. Сельские жители должны были рассчитывать исключительно на собственные силы. Сельскохозяйственная продукция, производство которой резко сократилось, полностью изымалась в государственный фонд. По официальной версии, главными причинами ухудшения ситуации на продовольственном рынке были объявлены засуха и неурожай (с чем нельзя не согласиться).

В результате тяжелых последствий войны, усугубившихся засухой 1946 г., вопрос о хлебных ресурсах обострился. Различными проверками в Тамбовской области были установлены многочисленные факты, когда из-за плохой охраны складов, неудовлетворительного учета зерна участились случаи хищения хлеба, нередко при участии работников заготовительного аппарата. Для ликвидации названных недостатков стали создаваться специальные списки по снабжению хлебом, которые рассматривались специальными районными советами. Хлебные карточки ежемесячно изготовлялись райпотребсоюзами. В районных центрах внесенный в списки контингент снабжался печеным хлебом, в сельской местности крестьяне отоваривались мукой. Дополнительные пайки усиленного питания по области на 2-й квартал 1947 г. были распределены на 5780 человек, из которых 1 тыс. пайков предназначалась для села. В июле 1947 г. в области для снабжавшихся хлебом было выделено 363 910 кг, в том числе по селу – 87 110 кг.

Коммерческая торговля хлебом проводилась только в районных центрах и только в порядке живой очереди. Отпускалось не более одного килограмма в одни руки. Так, в Ракшинском районе в течение одного месяца с момента принятия постановления было реализовано 7389 кг коммерческого хлеба и 700 кг коммерческой муки. Установленные нормы были не в состоянии обеспечить даже минимальные потребности жителей области. В условиях обострения хлебного дефицита в области резко увеличилось число фактов криминальной торговли хлебом. Например, зимой 1947 г. в Тамбове на колхозном рынке, несмотря на регулярные рейды милиции, широкий размах получила торговля "хлебными куклами": брусок древесины или глины обмазывали слоем теста и выпекали в хлебной форме. Подобный "хлеб" продавался преступниками лишь при условии покупки всей буханки без разрезания на части. Жертвами обманщиков, как правило, становились дети и престарелые люди.

Сложности с обеспечением населения продовольствием были настолько масштабными, что руководство Тамбовской области было вынуждено провести 70 % сокращение хлебных фондов, прежде всего за счет сельского населения. Тогда же значительно уменьшился контингент снабжавшихся хлебом в сельской местности за

счет исключения иждивенцев, рабочих совхозов, подсобных хозяйств и МТС. Ежедневная норма выдачи хлеба всем иждивенцам была сокращена с 300 до 250 г на человека, детям – с 400 до 300 граммов.

О масштабах бедствия свидетельствовал тот факт, что на базах и пунктах, находившихся в местах расположения областного и районных потребсоюзов, не было возможности создать запасы зерна, муки и круп. В большинство из этих пунктов продукты не поступали вовсе. Столь низкий уровень снабжения продовольственным зерном, мукой и крупой со стороны основного поставщика – облаготзерно – ставило райпотребсоюзы в положение, при котором они были не в состоянии нормально обеспечивать детские учреждения, учителей, специалистов сельского хозяйства и другие категории населения, которым полагались различные дотации.

Как видим, на демографическую ситуацию, а следовательно и на состояние трудовых ресурсов Тамбовской области существенно повлияли отрицательные последствия войны и голода. В итоге была нарушена половозрастная структура населения. Прошедшая в тот же период демобилизация ожидавшегося эффекта не принесла. Трудовые ресурсы в 1950 г. несколько выросли в сравнении с 1945 г., однако их довоенная численность достигнута не была. Последствия неурожая во многом были преумножены нерациональным ведением хозяйства.

К 1938 г. 89,4 % всех крестьянских хозяйств Тамбовской области были объединены в сельскохозяйственные артели, в пользование которым было предоставлено 99,6 % всех земельных угодий. В результате неимоверных усилий и громадных потерь колхозный строй победил.

После завершения процесса сплошной коллективизации и "ликвидации кулачества как класса", темпы технического оснащения земледелия несколько возросли: к 1 января 1941 г. в 81 МТС и 48 совхозах области насчитывалось 7750 тракторов, 2470 комбайнов и 208 грузовых автомобилей. В колхозах было более 135 тыс. лошадей, использовавшихся в качестве основной тягловой силы. Уровень механизации сельскохозяйственного производства оставался крайне низким.

Из-за отсутствия необходимого количества техники и инвентаря одним из условий получения высоких и устойчивых урожаев являлось наличие высококачественных семенных материалов. В тех колхозах области, где к весеннему и озимому севу сельскохозяйственных культур своевременно подготавливались качественные, тщательно очищенные от примесей и сорняков семена, предварительно обработанные перед посевом, как правило, удавалось получить высокие и устойчивые урожаи. В связи с этим создание высококачественных семенных фондов являлось одной из приоритетных задач колхозно-совхозного производства области.

Несмотря на значительный объем работ по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства области, повышению роли МТС в развитии аграрного сектора, эффективность растениеводства и животноводства в послевоенные годы оставалась низкой. Причины состояли в несовершенной системе организации производственного процесса, в оторванности работника от действительного участия в распределении результатов труда и, как результат, – отсутствие заинтересованности в наращивании объемов производства продукции в общественном хозяйстве.

На низком агротехническом уровне велось выращивание сельскохозяйственных культур. Например, посев яровых производился по значительной весновспашке, в растянутые сроки и некондиционными семенами. Уход за посевами проводился несвоевременно и недостаточно, а уборка урожая затягивалась до поздней осени, что приводило к значительным потерям, а иногда и к полной гибели урожая. Опоздание с уборочными работами хотя бы на один день приводило к потере 25 – 30 кг зерна на каждом гектаре, а при перестое посевов на 20 – 25 дней после завершения процесса созревания терялось до половины урожая. Несмотря на усилия колхозников план весеннего сева в 1945 г. был выполнен лишь на 87 %; в 1946 г. при неэффективном использовании государственной помощи задание по подъему зяби МТС области было выполнено на 62 %. В 1949 г. план поставок хлеба был выполнен на 97,3 %. Поголовье продуктивного скота и лошадей по-прежнему оставалось ниже довоенного.

Несмотря на героические усилия тружеников тыла за военные годы в колхозах области образовалось до 700 тыс. га неосвоенной пашни (залежных земель). Посевная площадь снизилась до 941 тыс. га. Особенно резкое снижение посевных площадей в годы войны наблюдалось под зерновыми культурами. В первые послевоенные годы начался медленный процесс восстановления неиспользованных сельскохозяйственных площадей: лишь к 1951 г. посевные площади достигли уровня 1940 г.

На фоне некоторого общего улучшения ситуации в аграрном производстве в отдельные годы положение было близко к критическому. Так, в 1946 г., после сильнейшей засухи и голода, план по освоению посевных площадей был выполнен на 81 %, по яровому севу – на 80 %, по зерновым культурам – лишь на 84 %. В большинстве районов области произошло резкое снижение посевов технических культур, колхозами не выполнялась программа повышения продуктивности общественного животноводства. Не лучшим образом складывался и 1947 г.: почти 75 % колхозов не выполнили плановые задания по посевам яровой пшеницы; 50 % – по посевам яровой пшеницы; семенами обеспечили себя не более половины хозяйств. Почти 60 тыс. колхозников не выработали обязательного минимума трудодней.

Состоявшийся в ноябре пленум 1948 г. Тамбовского обкома ВКП(б) рассмотрел программу мероприятий для обеспечения высоких и устойчивых урожаев. Главным звеном в этой программе стало освоение требуемых травопольных севооборотов. Под севооборотом было принято понимать прохождение в строго определенном порядке по одной и той же площади пашни различных сельскохозяйственных культур и паров. Неверное использование в севообороте растений, не учитывавшее выбор ими из почвы питательных веществ, приводило к истощению почвы и, как следствие, к снижению урожайности зерновых и технических культур. Кроме этого необходимо было учитывать возможность максимально полезного сочетания полеводства с животноводством и другими видами сельскохозяйственной деятельности.

Однако на практике в связи с несоблюдением необходимых принципов должный уровень использования и получения эффективной отдачи для восстановления сельскохозяйственного потенциала области к концу первого послевоенного пятилетия с применением многопольных севооборотов так и не был достигнут. Причины состояли в отсутствии в большинстве районов области системы контроля за процессом соблюдения границ полей севооборотов, недостаточная степень ответственности руководящих кадров различных уровней, недостаток семян многолетних трав, запущенность системы земельного учета, а также недостаточная квалификация агрономических кадров.

Несостоятельность системы земельного учета и непонимание со стороны управленческих кадров того, что эта работа имела определяющее значение для регулирования процесса использования земли как основного средства производства не могли не сказаться на эффективности всего сельскохозяйственного производства. К началу 1953 г. только 23 колхоза из 987 в Тамбовской области были в состоянии грамотно и квалифицированно пользоваться таким важным агротехническим приемом как многопольный севооборот. В итоге этих упущений складывалась ситуация сильно тормозившая освоение правильных севооборотов в колхозах.

В первые послевоенные годы в число насущных проблем вошли вопросы организации и совершенствования структуры сельскохозяйственного производства. Для достижения более высокого экономического эффекта от использования государственных вложений была поставлена задача укрупнения колхозов. Инициаторы этого считали, что только крупные артельные хозяйства имели возможность эффективно использовать технику, сконцентрировать необходимое число грамотных и квалифицированных специалистов. Предполагалось, что в укрупненных колхозах более достижимой становилась важнейшая цель – повышение рентабельности хозяйств.

Согласно официальной точки зрения, основная причина укрупнения колхозов была обусловлена процессом преодоления тяжелейших последствий войны и восстановлением народнохозяйственного комплекса страны, основным рычагом которого являлся механизм поставок сельскохозяйственной продукции государству. Ослабленные войной колхозы с различным уровнем производства, несмотря на значительную, но, по большей части, недостаточную и не всегда правильно использовавшуюся материально-техническую поддержку со стороны центральных и местных властей, были не в состоянии достичь нужного уровня производства в рамках мелких артелей. Кроме того, в большинстве районов фактор "живого тягла" преобладал над механизированным производством, что, в свою очередь, было обусловлено низким уровнем механизации аграрного труда в мелких хозяйствах.

Динамику процесса укрупнения колхозов в области можно представить следующим образом: на 1 января 1950 г. насчитывалось 3139 колхозов; в течение лета и осени 2296 мелких хозяйств были объединены в 903 крупные сельскохозяйственные артели; к 1 января 1951 г. в области насчитывалось 1042 колхоза, а к осени 1952 г. их стало 968.

Итоги укрупнения колхозов можно оценивать по-разному. В условиях существовавшей системы хозяйствования к положительным результатам следует отнести упорядочение процесса поставок сельскохозяйственных машин в более крупные хозяйства; повышение эффективности использования поступавшей и уже имевшейся техники за счет роста коэффициента ее использования; некоторое повышение квалификации руководителей и специалистов. Произошло упорядочение взаимоотношений сельхозартелей с машинно-тракторными станциями. Если до укрупнения одна тракторная бригада МТС обслуживала от двух до пяти и более артелей, то после за каждой бригадой был закреплен один колхоз. Кроме того, административно-управленческий аппарат сократился более чем на 7500 человек.

Большинство колхозов области до укрупнения не справлялись с выполнением планов производства и обязательных поставок разных видов сельскохозяйственной продукции. Так, в деревне Старое Грязное Токаревского района до укрупнения насчитывалось три колхоза, два из которых регулярно не справлялись с выполнением обязательств, неизменно оставаясь в долгах. После объединения колхозов и реализации комплекса мер по укреплению руководящих кадров, организации более эффективного использования автотракторной техники колхозники вновь созданной артели им. Молотова уже в 1950 г. смогли вовремя убрать урожай, полностью выполнил план хлебозаготовок, обеспечили хозяйство семенами и получили по 2,3 кг зерна на трудодень.

Удачными можно назвать результаты укрупнения пяти сельхозартелей на базе колхоза имени М. Горького Ржаксинского района. До преобразования самая крупная из артелей насчитывала 104 трудоспособных человека. В среднем по этим колхозам земли имелось от 330 до 540 га, в том числе от 240 до 450 га пашни. После укрупнения артель им. Горького имела 203 хозяйства, в которых насчитывалось 351 трудоспособных. Площадь общего земельного фонда составила 1958 га, в том числе 1502 га пашни. Административно-управленческий аппарат был сокращен на 10 человек. Большинство колхозников выработало положенное количество трудодней. Колхоз в положенные сроки выполнил план по сдаче хлеба и полностью рассчитался с МТС. Подобных примеров множество.

Однако степень экономической и организационной результативности укрупнения была различной. В Тамбовском районе, например, процесс объединения сельхозартелей не позволил решить основных хозяйственных вопросов. До объединения в районе было 102 колхоза, после – 27. Тем не менее, только 12 хозяйств имели дополнительные соглашения с МТС на проведение тракторных работ, в 15 остальных, как и до укрупнения, продолжалась организационная неразбериха; здесь не были составлены приходно-расходные сметы, производственные задания и планы для полевых и животноводческих бригад.

Изучение итогов кампании по укрупнению колхозов дает возможность выявить ряд тенденций. Основные проблемы, появившиеся в результате укрупнения колхозов касались организации трудового процесса. По-прежнему оставалась нерешенной проблема подбора и укрепления руководящих кадров за счет квалифициро-

ванных специалистов сельского хозяйства. Не удалось повсеместно добиться укрепления трудовой дисциплины специалистов среднего звена и рядовых колхозников. Не были сняты вопросы в части экономической стимуляции работы колхозников и организации оплаты их труда.

Кадровая проблема являлась основной. Без подбора знающих и умеющих председателей правлений колхозов, их заместителей, счетоводов, бригадиров, заведующих фермами, специалистов агрономической и ветеринарной служб невозможно было добиться нужных результатов. Однако на практике уровень подготовки подавляющего большинства руководителей хозяйств был низким. В 1946 г., т.е. до укрупнения, на 3135 колхозов области не набиралось и десяти председателей с высшим или средним образованием. Лишь к 1950 г., благодаря различным формам переподготовки и обучения, в области стало около 200 председателей колхозов с высшим и средним образованием, включая 100 человек профильных специалистов сельского хозяйства. Однако кадровая проблема оставалась острой. Из 1067 председателей укрупненных хозяйств 940 не имели специального сельскохозяйственного образования. Более того, образовательный уровень почти 500 руководителей не превышал двух-трех классов начальной школы. В Никифоровском районе, например, из 125 бригадиров 98 имели начальное образование, в том числе 17 человек – начальную подготовку в объеме одного-двух классов начальной школы. Некоторые из них слабо владели арифметическим счетом, едва могли расписаться. Подобная ситуация наблюдалась в большинстве районов области. Недостаток образования отчасти компенсировался большим опытом работы. В тот период был избран реальный и экономически малозатратный путь: организация соответствующей профессиональной переподготовки работников сельского хозяйства, обладавших значительным опытом работы, но не имевших должного образовательного уровня. Краткосрочные курсы бригадиров, звеньевых были организованы в большинстве районов области. Занятия, как правило, проводились в зимний период; к их организации привлекались специалисты сельскохозяйственных органов, преподаватели вузов и техникумов. В итоге эта категория работников сельского хозяйства получила возможность повысить свой образовательный уровень и квалификацию, обогатить практику знанием научных основ ведения хозяйства.

Несоблюдение правил внутреннего распорядка и норм законодательства о труде во многом способствовало "неиспользованию" в полном объеме имевшихся трудовых ресурсов в колхозах области. Не был решен вопрос о нормировании труда в полеводстве, животноводстве и сельском строительстве. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. вопрос о необходимости пересмотра размеров обязательного годового минимума трудодней поднимался неоднократно. Власти были обеспокоены тем, что действовавший минимум трудодней не обеспечивал выполнения планов восстановления и развития сельского хозяйства в первые послевоенные годы, так как многие колхозники, не видя реальных стимулов наращивания объемов выработки, ограничивали свое трудовое участие годовым минимумом.

В послевоенные годы актуальной была проблема не только наращивания размера минимума трудодней, но и обеспечения обязательного выполнения ранее установленных норм. В Тамбовской области в 1947 г. 10 093 взрослых трудоспособных колхозника и 14153 трудоспособных подростка не выработали ни одного трудодня; в 1948 г. эти показатели составили соответственно 9319 и 21 545; в 1949 г. – 8177 и 21 872 человека, в 1951 г. общее число не выработавших ни одного трудодня достигло 42 946 человека. В среднем за указанный период доля таких лиц составила почти 15 % ко всему трудоспособному населению.

Послевоенное развитие деревни было бы невозможно без концентрации усилий работников, без осознания ими огромной ответственности за выполнение работ. Однако факты недисциплинированности встречались довольно часто. Часть колхозников и колхозниц становились вынужденными нарушителями по объективным причинам. Бытовые проблемы, обострившиеся во многих семьях в связи с потерей кормильца или при наличии большого числа детей, вынуждали колхозниц оставлять работу в общественном хозяйстве. Так, отсутствие в большинстве колхозов Тамбовского района детских дошкольных учреждений побуждало многих женщин делать выбор в пользу семьи, а не колхозного производства. Так, в 1949 г. в области из 74 646 человек, не выработавших минимум трудодней, 63 800 являлись женщинами, основная часть которых не выработала свою норму лишь потому, что негде было оставить малолетних детей.

Особенно сложное положение с трудовой дисциплиной складывалось в тех районах, где слабой была организация работы в бригадах и звеньях. Это отрицательно сказывалось на экономических результатах производства в целом. Кроме того, многое зависело от уровня культуры труда. Играли свою роль и удаленность от областного центра, общее организационно-техническое состояние отдельно взятого района, способность местного руководства к грамотному управлению хозяйствами, а так же уровень механизации процесса сельскохозяйственной продукции квалификация кадров. Так в Мордовском, Полетаевском, Сампурском, Шульгинском и Шпикуловском районах до 7 % трудоспособных колхозников не выработало необходимого минимума трудодней по причине плохой организации производства. В ряде колхозов Глазковского, Никифоровского и Первомайского районов до 30 % от общего числа трудоспособных колхозников не обеспечивали обязательной выработки трудодней из-за отсутствия систематического контроля со стороны бригадиров и звеньевых за их выходом на работу.

Как правило, руководителям было не под силу справиться с массовыми нарушениями распорядка рабочего дня, который был настолько тяжел, что зачастую мотивами к его нарушению являлась элементарная усталость, граничившая с полным изнеможением. Ситуация усугублялась преобладанием тяжелого ручного труда, что в свою очередь требовало увеличения продолжительности рабочего дня. В качестве примера рассмотрим положение в одном из самых крепких и развитых колхозов области. В сельхозартели имени Ленина Токаревского района распорядок дня на время посевной кампании 1945 г. был установлен следующим образом: начало работы – в 5 ч утра; перерыв на завтрак – с 8 до 9 ч; перерыв на обед – с 13 до 14 ч.; перерыв на кормление лошадей – с 18 до 18 ч 30 мин; окончание работы – 21 ч 30 мин. Подобный график рабочего дня был типичным и для

других хозяйств области. 17–18-ти часовой рабочий день в период весенней посевной и уборочной кампании являлся нормой для большинства колхозников.

Укрепление трудовой дисциплины, как и ряд других организационных мероприятий, носили ярко выраженный декларативный характер. По отношению к нарушителям, как правило, применялись меры морального и административного воздействия. Диапазон дисциплинарных наказаний был весьма широким: от проведения политической и разъяснительной работы среди колхозников, публичного порицания работников, не выработавших минимум трудодней, до выселения нарушителей за пределы области. Последнее наказание использовалось в редких случаях как крайняя мера борьбы с систематическим нарушением трудовой дисциплины.

В целях совершенствования организации и оплаты труда основное внимание предполагалось сосредоточить на укреплении производственных бригад, которые должны были стать основной формой организации труда и доминирующей производственной единицей в колхозе. Для достижения поставленных целей в большинстве районов бригады были укрупнены и дифференцированы. Внутри бригад были созданы полеводческие звенья по выращиванию различных культур. В 1948 г. в 3139 колхозах Тамбовской области были организованы 21 244. Площадь посева зерновых культур, закрепленная за этими звеньями, составила 379 954 га, в том числе 88 135 га занимала важнейшая продовольственная культура – яровая пшеница.

Установка на создание специализированных подразделений в колхозах, ориентированных на производство определенных видов продукции, по замыслу организаторов должно было повысить не только эффективность труда, но и ответственность за его результаты. В те годы были сформированы кормодобывающие, строительные бригады и бригады по уходу за скотом. По тому же принципу закреплялся сельскохозяйственный инвентарь, участки в полях севооборота и т.д.

Однако все эти новшества в патриархальном укладе производственной жизни деревни принимались не сразу и не повсеместно. Так, в колхозе имени Сталина Жердевского района руководством вовремя не были созданы производственные бригады. Скот не был закреплен за конкретными работниками, уход за ним осуществляли животноводы, привлекавшиеся на договорных началах и в разовом порядке, что влекло за собой дополнительные расходы по натуральной и денежной оплате. Наемный пастух в этом хозяйстве за выпас 200 овец получал 24 центнера зерна, 32 центнера картофеля 4 тыс. р. за семь месяцев работы (апрель – октябрь), что составляло примерно 550 р. в месяц. Кроме того, он ежедневно и бесплатно получал на питание 1,4 кг муки, 0,6 кг пшена, 2 кг картофеля и 2 литра молока. Как видим, рацион довольно не скудный на фоне бедственного положения большинства крестьянского населения Тамбовской области.

В этот же период велись активные поиски оптимальной модели оплаты труда в колхозах. Активно начала применяться дифференцированная методика, вводимая по бригадам и звеньям в зависимости от выполнения плановых заданий по урожайности, достижения определенного уровня продуктивности скота. Суть новаций сводилась к тому, что бригадам и звеньям, перевыполнившим плановые задания по урожайности, начислялось по одному проценту от общего количества трудодней, затраченных на выращивание урожая данной культуры, за каждый процент перевыполнения плана. У бригад и звеньев, не выполнивших план, за каждый процент недобора к плановому заданию производства зерновых или технических культур, наоборот, списывалось по одному проценту всех затраченных на данные культуры трудодней. В общей же сумме это списание не должно было превышать 25 % от их совокупного объема.

Мизерная оплата за выполненную работу в колхозе для беднейшей части крестьянства, не имевшей личного подворья, ставила на грань выживания сельскую семью. Руководство страны и на местах пытались преподнести рядовому колхознику расчетную систему трудодней в условиях артельного хозяйства как новую экономическую категорию. В ее основе должна была лежать мера труда и участия колхозников в распределении благ и результатов деятельности артельного хозяйства, что, в свою очередь, являлось одним из основных принципов колхозного строя.

Наиболее частым нарушением в сфере распределения благ, пропорционально вложенному труду и полученным результатам в колхозах, являлось несоблюдение установленного порядка авансирования. В ряде колхозов Тамбовской области выдача натуральных и денежных авансов производилась в большинстве случаев в зависимости от симпатий или антипатий руководителей колхозов и без учета количества реально выработанных трудодней. Так, в результате проведенных проверок в колхозе "Страна Советов" Уваровского района были выявлены серьезные нарушения. При неправильном распределении доходов 89 крестьянских хозяйств недополучили на трудодни только в 1949 г. 16 300 кг хлеба, а 62-м хозяйствам было незаконно выдано сверх причитающейся нормы 4900 кг в счет натуроплаты. По мнению проверявших, основная причина сложившейся ситуации заключалась в субъективизме руководителей колхозов, которые распределяли материальные ресурсы по итогам работы за сезон единолично. Возникавшие проблемы негативно отражались не только на настроениях людей, но и отрицательно влияли на материальную заинтересованность, а в конечном счете, на уровень трудовой дисциплины.

Основным предметом для дискуссий в процессе совершенствования оплаты труда являлась регламентация и планирование затрат трудодней по отраслям, по каждой культуре для каждой бригады и звена, по всем видам скота. В колхозах имелись случаи, когда руководство начисляло разное количество трудодней за одни и те же виды работ, что опять-таки являлось проявлением субъективизма, а фактически речь шла о грубом нарушении конституционной нормы: равная оплата за равный труд.

Поскольку колхоз являлся коллективным предприятием, его члены были партнерами, обязанными делить доход между собой; доля каждого начислялась по фактически выработанным трудодням. По сути это была система сдельщины, при которой крестьянину платили в зависимости от проработанного времени и уровня квалификации. Например, труд колхозников, занятых на полевых работах оценивался по низшей ставке. Чуть выше на этой шкале располагались животноводы, трактористы, бригадиры и т.д. В самой высшей точке располага-

лись председатели правлений колхозов. Материальное вознаграждение по результатам труда отчасти определялось социальным статусом работника в колхозной иерархии. Обезличенный трудодень в ряде случаев приводил к уравниловке в самой системе учета трудового вклада конкретного человека, принижал зависимость объемов и качества его трудового участия в общественном производстве. Мизерная оплата труда колхозников в Тамбовской области (по этому показателю область находилась на одном из последних мест в РСФСР) не способствовала заинтересованности рядовых колхозников в наращивании объемов общественного производства; в 1946 г. 45,8 % трудоспособного населения не выработали обязательного минимума трудодней.

При всех издержках и недостатках в изучаемый период наметились тенденции к оживлению сельскохозяйственного производства. Так, к 1949 г. посевные площади в колхозах области увеличились по сравнению с последним предвоенным годом на 545 тыс. га и приблизились по своему объему к довоенным показателям. Урожайность и валовой сбор хлеба, махорки, сахарной свеклы и картофеля в 1949 г. в целом по области превысили уровень 1940 г. В 1950 г. Тамбовская область сдала государству хлеба на 1 млн. 592 тыс. пудов больше, чем в 1940 г. Колхозы и совхозы области в сравнении с 1940 г. увеличили обязательные поставки по большинству сельскохозяйственных культур: по сахарной свекле на 3 млн. 740 тыс. пудов, по картофелю – на 1 млн. 60 тыс. пудов, по махорке – на 9,4 тыс. пудов. Посевная площадь всех сельскохозяйственных культур области к 1953 г. на 73 тыс. га превышала довоенный 1940 г. и составляла 1593 тыс. га. Все это явилось реальным результатом упорного труда значительной части колхозников.

Прирост объемов сдачи продукции полеводства и животноводства государству в основном был обеспечен за счет пополнения парка сельскохозяйственных машин. Колхозами и совхозами области была предпринята попытка перехода на новую схему севооборотов, что потребовало наращивания темпов механизации всего комплекса работ в растениеводстве. Однако коренного перелома в увеличении эффективности общественного производства на селе не произошло. Низкий агротехнический уровень выращивания зерновых и технических культур, несвоевременный и недостаточный уход за посевами, несоблюдение агротехнических сроков уборки урожая выступали в качестве тормоза. Недостаточная экономическая мощь страны и ее регионов не позволила в послевоенные годы создать эффективную модель организации сельскохозяйственного производства, гарантировавшую получение устойчивых урожаев в зонах рискованного земледелия, противопоставить стихии четкую научно обоснованную систему ведения сельского хозяйства. В условиях Тамбовской области наряду с природно-климатическими факторами на уровень развития аграрного сектора экономики заметное влияние оказывали материально-технические и кадровые ресурсы, а также отсутствие эффективной системы материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда в общественном хозяйстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аврех Л.И.* Тамбовская партийная организация в борьбе за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства (1945 – 1953 гг.). Тамбов, 1961.
- 2 *Есиков С.А., Пеньков А.В.* Демографические и трудовые ресурсы Тамбовской области в первые послевоенные годы (1945 – 1950 гг.) // *Российское общество и власть в XX веке.* Сб. научн. тр. М., 2003.
- 3 *Очерки истории Тамбовской организации КПСС.* Воронеж, 1984
- 4 *Пеньков А.В.* О ликвидации нарушений Устава сельхозартели (на материалах Тамбовской области). Тамбов, 2002.
- 5 *Пеньков А.В.* О некоторых аспектах развития Тамбовской деревни в первые послевоенные годы (1945 – 1953 гг.). Тамбов, 2002.
- 6 *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946 – 1953 гг. М. Тамбов, 2000.
- 7 *Страницы истории Тамбовского края.* Воронеж, 1986.

О черк 7

ФОТОГРАФИЯ В ТАМБОВЕ: ВЕХИ ИСТОРИИ

В.А. Ермаков

Нас всюду окружают фотоснимки. Они стали неотъемлемой частью современной жизни и незаменимым средством информации и коммуникации. Представить современный мир без фотографии невозможно.

Фотография как форма изобразительного искусства появилась более 165 лет тому назад. Датой ее рождения принято считать 7 января 1839 г., когда французский физик Доминик Француз Араго (1786 – 1853) сделал доклад на заседании Парижской академии наук об основных принципах дагерротипии – фотографического процесса, изобретенного Луи Дагером (1787 – 1851) в 1835 г. В августе 1839 г. было опубликовано полное описание процесса дагерротипии, и с этого момента фотографический процесс стал достоянием человечества.

В Россию фотография пришла быстро. Уже в начале 1840 г. в Москве А.Ф. Греков освоил дагерротипию и открыл "художественный кабинет" – так в то время называлось фотоателье. Он делал портреты "величиной с табакерку". Выдержка при фотосъемке составляла на солнечном свете 2,5 минуты, а в пасмурную погоду – до 5 минут. Для неподвижности головы при съемке использовалось специальное кресло с держателями для головы.

Первые упоминания о фотографии в Тамбове встречаются в "Памятной книжке Тамбовской губернии на 1866 год". Здесь в разделе "О числе ремесленников в Тамбовской губернии за 1865 год" упоминаются "фотографисты", в числе которых в Тамбове было три мастера, двое рабочих и один ученик. Кто они эти первоот-

крыватели фотографии в нашем крае? Имена их нам пока неизвестны.

В середине 1870-х гг. в Тамбовской губернии проводились фотосъемки для уникального "Альбома костюмов России". В нашем крае работу проводил фотограф А. Шевяков. Альбом был передан на хранение в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку.

Одной из ранних фотографий Тамбова, дошедших до нашего времени, является снимок улицы Большой (ныне Советская) с видом на Реальное училище (школа № 1). На снимке в правом углу видна старинная сторожевая будка, находившаяся некогда у ворот в тамбовскую крепость (сейчас здесь ул. Рахманинова).

Первое стационарное фотоателье в Тамбове было открыто в 1880 г. старейшим тамбовским фотографом Хрисанфом Даниловичем Бровкиным. В начале XX в. в Тамбове работало уже несколько фотоателье: в 1901 г. открыл свое фотодело рязанский крестьянин И.Е. Епифанов, в 1904 г. – В.Ф. Иванов, в 1905 г. – нижегородский фотограф А.Ф. Тепфер, обладатель призов и медалей за свои снимки, А. Васильев, в 1910 г. – К. Трофимов и А. Кузнецов. Наиболее популярной у крестьян и небогатых горожан была фотомастерская С.В. Яркова, открытая в 1904 г. на ул. Обводной (ныне Пролетарская). В фотоателье Тамбова работали более 20 фотографов, среди них И. Ставиский, С. Каменский, Н. Журавлев, А. Вавилин, Ф. Авдеев, В. Добронравов, Н. Григорьев, А. Марквардт, М. Шохин и др.

Фотографы работали в условиях острой конкурентной борьбы, старались привлечь внимание публики высоким качеством, профессионализмом и художественным уровнем своих работ. Много внимания уделялось оформлению фотографий. Люди годами ходили к одному мастеру: отцы, дети, внуки. Негативы в архивах фотоателье должны были храниться вечно. Однако уже в XX веке многие фотоархивы были утрачены как в силу объективных, так и субъективных причин.

В дополнение к стационарным фотосалонам широко была распространена так называемая "моментальная" фотография. Фотографию клиент получал в течение нескольких минут, а сам процесс напоминал принцип действия аппаратов "Polaroid". Занимались эти видом деятельности "бродячие" фотографы на ярмарках, в местах массовых гуляний.

В конце XIX века появилась "пикториальная" ("живописная" – *англ.*) фотография, ставшая одним из самых заметных явлений в художественной фотографии рубежа веков. Основателем ее считается английский фотограф Генри Робинсон (1830 – 1901). Он одним из первых стал рассматривать фотографию как вид изобразительного искусства, сравнивая ее с живописью. Пикториальной фотографии свойственна мягкость рисунка, некоторая размытость, пластичность изображения. Фотоснимки стилизовались под гравюры, акварели, офорты.

Пикториальных фотографий тамбовских фотографов сохранилось очень мало. Наиболее интересен из них ночной снимок реки Цны. Техника его исполнения очень сложна, он тонирован слоями золота, многократно пропечатан. Изображение на нем выглядит объемно, и под разным углом зрения снимок выглядит иначе. Деревья по берегам реки то пропадают, то вновь возникают, а лунная дорожка движется, живет. Подобные фотоснимки существуют только в одном экземпляре, так как повторить его невозможно.

Труд фотографа в те годы считался высококвалифицированным и хорошо оплачивался. Стоимость фотографий была довольно высока. Например, фотография размером 9×12 см стоила почти как чайная серебряная ложка. Фотоснимки отличались высоким техническим и художественным качеством. В фотографическом процессе широко применялись соли золота, платины, редких металлов. В тонировании использовались цианиды и урановые растворители, ртутные компоненты. Все это свободно продавалось в аптеках и фотографических магазинах. Фотографические товары были в основном импортного производства. Лучшим магазином, торговавшим и фотопринадлежностями, был торговый дом купца М.Л. Шоршорова.

Любительской фотографией в конце XIX – начале XX века занимались люди образованные, творческие: врачи, адвокаты, художники, дворяне, аптекари. Их было мало, так как увлечение являлось недешевым (хороший фотоаппарат, например, стоил 100 – 250 р.), но эти люди оставили о себе прекрасную память в виде фотоснимков, фотографических открыток с видами Тамбова и других городов.

С конца XIX века в России стали образовываться многочисленные фотографические общества и кружки. Их цель – содействие развитию фотографического искусства и сближение фотографов. В марте 1906 г. было организовано Тамбовское фотографическое общество. Простение о его создании было подписано известными тамбовскими фотографами Троицким, Носовым, Соколовым, Гарклавом, Новиковым, Францишиным, Боровским, Виноградовым, Терлецким. Устав общества был утвержден 4 марта 1906 г.

Первым проявлением деятельности общества была организация в 1908 г. конкурса фотографических работ среди его членов. В 1909 г. общество занялось подготовкой первой выставки фоторабот. Для этого оно стало сотрудничать с тамбовским Художественным обществом. В январе 1910 г. прошло совместное заседание этих обществ в залах Нарышкинской читальни. Перед присутствующими был прочитан доклад о цветной фотографии с показом цветных диапозитивов. Доклад этот вызвал огромный интерес.

Первая фотографическая выставка совместно с выставкой художественного общества прошла в Нарышкинской читальне. Она тоже вызвала огромный интерес.

Вторая выставка состоялась в Нарышкинской читальне уже в апреле 1911 г. В ней приняли участие помимо тамбовских фотографы из Москвы, Санкт-Петербурга, Симбирска, Архангельска и других городов России. Членами жюри были художники П.Д. Мягков, Н.М. Шевченко и фотограф Н.А. Носов. На выставке были представлены все жанры фотографии от портрета до пейзажа.

Наиболее интересными в портретном жанре были работы Н. Свищева-Паоло. Он дважды удостоивался высших наград на тамбовских выставках. Среди фотографов-пейзажистов выделялись работы тамбовских фотографов Тепфера, Красинского, Троицкого, Смирнова и Поплавского (Архангельск). Зрители были заинтересованы и цветными фотографиями Бузни и Булгакова. О популярности второй фотографической выставки свидетельствует тот факт, что за неделю ее посетило более 1000 человек.

Третья фотографическая выставка в Тамбове прошла в 1912 г. в залах Питиримовского училища. На ней широко были показаны достижения современной фотографии. В разделе научной фотографии экспонировались микрофотографии, этнографические и архитектурные снимки. В художественном разделе были представлены пейзажи и портреты мастеров из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Н. Новгорода, Гельсингфорса и других городов, фотоакварели варшавянина Берлина. Портрет С.В. Рахманинова, выполненный москвичом Б. Пашкевичем, был удостоен Почетного отзыва. Боратынский М. представил серию снимков о жизни поэта А.М. Жемчужникова. Пейзажные работы с видами Тамбовщины были представлены А. Пестовым и С. Красинским. Выставка также пользовалась успехом.

За недолгое время своего существования Тамбовское фотографическое общество сделало очень много. Имевшее в своем составе только 20 членов, общество приобрело всероссийскую известность. Оно помогло жителям Тамбова познакомиться с последними достижениями фотографии, позволило увидеть шедевры фотографического искусства ведущих мировых мастеров фотографии Рудольфа Дюркопфа, Николая Петрова, Бориса Пашкевича, Николая Свищева-Паоло и многих других. Зрители были поражены цветными фотоснимками Сергея Прокудина-Горского – первооткрывателя цветной фотографии.

Активная деятельность Тамбовского фотографического общества была замечена в общественностью и крупными фотографическими организациями Санкт-Петербурга и Москвы. В центральном журнале "Фотографические новости" стали регулярно появляться заметки о Тамбовском обществе.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Поставки фотографического оборудования и материалов из Германии прекратились. Многие фотографы ушли на фронт. Деятельность фотографических обществ по всей России приостановилась. Прекратилась и работа Тамбовского фотографического общества. Но не прекратилось развитие фотографического искусства, не прекратилась тяга человека ко всему новому, интересному, прекрасному.

В истории России наступил тяжелый период – время революций и войн. Людям было не до фотоискусства. За 10 – 15 лет жизнь в России изменилась коренным образом. Но фотография не умерла. В послереволюционные годы было очень сложно заниматься фотоделом. Людям не хватало средств на хлеб, а занятие фотографией всегда было дорогостоящим. Не было в продаже химикатов и фотоаппаратов. Но несмотря на все трудности люди продолжали заниматься любимым делом. Фотокамеры изготавливали сами.

В середине 1920-х гг. тамбовских фотографов взяла под свой контроль местная ВЧК. Было организовано Тамбовское научно-фотографическое общество, руководителем которого был работник "органов" Спиан.

В Тамбове продолжали работать старые мастера (О. Енкен, С. Куликов, Д. Моисеев). Они брали патенты на занятие индивидуальной трудовой практикой, переходили на государственную службу. Некоторые предприятия сохранили свое производство и при советской власти. Самым знаменитым таким предприятием была фотография Енкена.

Еще в 1881 г. тамбовский крестьянин В. Николаев получил право на открытие фотомастерской. Располагалось его ателье в доме К.А. Енкен. В дальнейшем ателье перешло в собственность хозяев здания. Ольга Федоровна Енкен успешно развивала свое предприятие, и со временем фотосалон Енкен стал самым знаменитым в нашем городе. Удивительно, но особняк, построенный в 1876 г. и оборудованный под фотостудию, в этом качестве сохранился до 1980-х гг. и был снесен в результате строительства нового здания обкома КПСС (достроено как здание Администрации Тамбовской области). При сносе здания был утрачен уникальнейший фотоархив, формировавшийся с 1881 г.

В начале 1930-х гг. в Тамбове прошла первая советская выставка картин и фотографий. В ней приняли участие фотографы-любители и профессионалы: Л. Мотасов, Д. Моисеев, И. Мартынов, С. Куликов и др.

В 1937 г. состоялась областная фотографическая выставка, посвященная 20-й годовщине Октябрьской революции. Ее украшением стали работы С. Хабибулина. Во время Великой Отечественной войны Семен Александрович работал специальным корреспондентом фотохроники ТАСС и газеты "Известия". Всем тамбовчанам известны его фотографии, сделанные 22 июня 1941 г. на пл. Ленина, где собравшиеся горожане впервые услышали из репродукторов страшное слово "война", и майские фотографии 1945 г. – победа ... Все это запечатлел объектив Хабибулина.

После Великой Отечественной войны фотография стала бурно развиваться. Появилось новое поколение фотографов-профессионалов, тысячи людей занялись любительской фотографией. Изменилась и фототехника, широко распространились малоформатные аппараты. В Тамбове работало несколько фотоклубов и секций для молодежи. В них под руководством известных фотомастеров Е. Николаева, С. Коновалова, С. Жукова, В. Колыхалова начинающие фотографы постигали основы мастерства. Из стен клубов и секций вышло много известных фотографов, а имена Николая Кукусова, Анатолия Самошкина, Вадима Киенко стали всемирно известными.

В 1958 г. в Тамбове состоялась очередная фотовыставка. На ней было представлено более 80 снимков

лучших фотографов Тамбова: Д. Бресткина, В. Горбунова, Г. Дергаченко, Ф. Ермоленко, Б. Иванова, В. Кошкарлова, С. Климонова, Н. Мамаева, В. Татарина, П. Шаповалова, братьев Ладыгиных и др.

В 1960 – 1980-е гг. фотовыставки в Тамбове проходили регулярно. Особенно запоминающейся оказалась, состоявшаяся в январе 1984 г., выставка "Сто встреч" фотографа Николая Куксова.

В настоящее время фотоискусство в Тамбовском крае успешно развивается, появились молодые интересные фотографы. Появились новые технологии, в том числе цифровая фотография. В свет выходят газеты и журналы, книги и фотоальбомы.

В 1991 г. было образовано Тамбовское отделение Союза фотохудожников России.

Приведем краткие творческие биографии наиболее известных фотографов, чьи имена связаны с Тамбовщиной.

Карелин Андрей Осипович (1837 – 1906). Родился в селе Солдатская Слобода (ныне с. Селезни) Тамбовского уезда. В раннем детстве проявился у него талант рисовальщика. Заметив талантливого ученика иконописцев, помещик Сабуров направил его на учебу в Санкт-Петербургскую академию художеств, где Карелин увлекся фотографией. После окончания учебы он переехал в Н. Новгород (1869) и открыл там свое ателье.

Фотография и живопись постоянно соседствуют в его творчестве, но ярче всего выражаются в портретной фотографии. За несколько лет А.О. Карелин стал ведущим фотохудожником не только Н. Новгорода, но и России. Его связывала дружба с А.М. Горьким, И.Е. Репиным, И.И. Шишкиным, В.Г. Короленко и др.

Талант художника и фотографа сочетался в нем с талантом изобретателя и конструктора оптических систем. Он первым стал использовать насадочные линзы, изобрел объектив, позволявший делать четкие многоплановые фотографии.

Фотографии А.О. Карелина получили международное признание. Он стал обладателем золотой медали на международной выставке в Эдинбурге (Шотландия) в 1876 г., неоднократно удостоивался высших наград на различных конкурсах и выставках. В 1876 г. ему было присвоено почетное звание "Фотограф Императорской Академии художеств".

Карелин А.О. создал серию портретов выдающихся современников. В них он стремился к реализму в фотографии. Достоверность, конкретность, максимальное приближение к жизни – вот отличительные черты работ Карелина. Им присущи виртуозность светотеневого рисунка, совершенство композиции, целостность и законченность образа.

Дмитриев Максим Петрович (1858 – 1948). Выдающийся русский фотограф, основоположник русского фоторепортажа родился в деревне Повалишино Тамбовской губернии в семье крестьян. Ему рано пришлось пойти "в люди", работая на разных хозяев. Так он оказался в мастерской московского фотографа Настюкова. Увлечшись новым для себя делом, М. Дмитриев проявил незаурядные способности. За несколько месяцев он освоил все фотоспециальности, и ему доверили съемку.

Летом 1874 г. Дмитриев был командирован на Нижегородскую ярмарку, где познакомился со своим земляком Карелиным, посвятившим его в премудрости мастерства. В 1877 г. Максим Петрович перебрался в Н. Новгород и устроился на работу в фотоателье Лейбовского, ученика Карелина. В 1879 г. Дмитриев был приглашен на работу в ателье Карелина, где за несколько лет совместной работы постиг тонкости художественной фотосъемки.

В 1886 г. Дмитриев открыл в Н. Новгороде собственное ателье, просуществовавшее до 1920-х гг.

За несколько лет Дмитриев приобрел широкую известность. Его работы получали медали на международных выставках (Париж, 1892 г. и 1900 г.; Чикаго, 1893 г.). На Всемирной выставке в Антверпене и в Нью-Йорке он был удостоен высших наград – Почетных дипломов.

В 1891 г. в России наступил голод в результате сильной засухи, а затем разразилась эпидемия. Дмитриев М.П. с фотоаппаратом объехал наиболее пострадавшие районы Поволжья и сделал большое количество снимков. Его документальные фотографии поразили общественность, она увидела бедственное положение простого народа. Эта серия фотографий принесла Дмитриеву всероссийскую известность.

За несколько лет работы Дмитриевым было снято несколько тысяч документальных фотографий, названных автором "Волжские типы". На них был отражен повседневный быт простого народа, зарисовки из жизни "босяков", странников, богомольцев. Многие фотографии этого цикла воспринимались как иллюстрации к произведениям Максима Горького, а некоторые снимки были использованы при подготовке к постановке пьесы "На дне" Московским художественным театром в 1902 г. Великого писателя и замечательного фотографа связывала крепкая дружба. В советское время Горький хлопотал о назначении Дмитриеву персональной пенсии.

В 1897 г. фотограф сделал интересную серию "Русь уходящая". Старообрядческие скиты в заволжских лесах, богомольцы в знаменитой Саровской пустыни, относившейся в те годы к Тамбовской губернии, нищие, слепые, заросшие древние старцы, скитские "установники" с окаменевшими лицами – все это осколки уходящей в небытие древней России.

После революции 1917 г. уже немолодой мастер продолжал работать. Его можно было увидеть на митингах и новостройках. Фотографии его печатались в советских газетах и журналах. В честь 50-летия трудовой деятельности Дмитриева Русское фотографическое общество в 1927 г. устроило в Москве большую выставку его работ.

Умер Максим Петрович в 1948 г. на 91-м году жизни в Москве.

Хабибулин Семен Александрович (1890 – 1984). Самый известный тамбовский фотограф-портретист родился в Сочи. С 10 лет, лишившись отца, он вынужден был работать. В 1907 г. его принял на работу лучший фотограф Екатеринодара (Краснодар) Чернов. В его ателье Хабибулин овладел фотомастерством.

В 1918 г. Хабибулин организовал в Сочи фотоартель "Кавказская Ривьера". Его портреты были известны всему городу, и со временем он стал лучшим фотомастером Сочи. Его приглашали фотографировать И. Сталина, М. Калинина, С. Буденного, Н. Семашко и многих других партийных и советских деятелей.

Но в 1933 г. фотограф был репрессирован и как "антисоветский элемент" был выслан с семьей в Караганду. Ссылка была недолгой, и ему было позволено переселиться в любой город центральной России. Хабибулин выбрал Тамбов. И не ошибся – этот город стал для него родным. Работу он нашел в первый же день в "Фотографии № 2" на ул. Советской, 81, откуда и ушел на пенсию. Фотопортреты Хабибулина были популярны среди тамбовчан. Он придерживался старой классической техники съемки, снимал форматными камерами, использовал ретушь.

Перед войной Хабибулин работал в областном драматическом театре им. А.И. Луначарского, во время войны работал корреспондентом "Фотохроники ТАСС", газет "Тамбовская правда", "Известия", а после нее вернулся в свое ателье.

Куксов Николай Васильевич (1938 – 1996). Известный фотограф-художник, лауреат нескольких фотоконкурсов родился в Тамбове в семье военнослужащего. Фотографией занимался с детства. В 1957–1958 гг. посещал кино-фотокружок, которым руководил С. Коновалов, известный кинооператор и режиссер-документалист.

С начала 1960-х гг. Куксов стал внештатным сотрудником газеты "Тамбовская правда", а в 1966 г. был принят в Союз журналистов СССР.

В своем творчестве Куксов сумел охватить все жанры фотографического искусства. Работы его очень современные. Особенно удавались ему жанровые портретные снимки. В них он старался проникнуть во внутренний мир человека, в его эмоциональное состояние, сопереживать портретируемому, энергетически быть связанным с ним.

Звездным часом мастера стала его персональная выставка "Сто встреч" (Тамбов, 1984 г.). Работы Н. Куксова побывали на выставках в 13 странах мира и многих городах России, были опубликованы в газетах и журналах.

Киенко Вадим Михайлович (род. в 1933 г.). известный фотограф-анималист родился в городе Павловске Воронежской области. С детских лет его влекли рассказы о дальних странах, о диких животных, о путешествиях и природа центральной России. Еще мальчишкой он начал фотографировать. После окончания строительного института, молодой архитектор приехал в Тамбов.

Первые его снимки были опубликованы в журнале "Смена" в 1958 г. С этого времени он серьезно увлекся съемкой природы и фото охотой. Вадим Киенко стал автором многих фотоальбомов о природе и животном мире нашей Родины. Десять раз становился лауреатом Всесоюзного конкурса "Охота с фотоаппаратом". Его фотографии опубликованы различными изданиями многих стран мира.

В 1972 г. В. Киенко был принят в Союз журналистов СССР.

Самошкин Анатолий Павлович (род. в 1948 г.). Участник и победитель многих всесоюзных и международных выставок. Родился в Тамбове. Фотографировать начал в 8 классе, а с 1965 г. посещал кружок в д/к "Юбилейный", где его наставником был С.В. Жуков.

Более 40 лет А.П. Самошкин занимается фотографией. Он лауреат многих выставок и конкурсов, обладатель диплома "За выдающийся вклад в развитие фотоискусства", присужденного на 1-м Всесоюзном фестивале фотографий в Москве в 1989 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Ермаков В.* // Город на Цне. 2001. 20 ноября.
- 2 *Ермаков В.* // Город на Цне. 2002. 21 – 27 августа.
- 3 *Ермаков В.* Фотоискусство в Тамбовском крае // Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 639 – 642.
- 4 *Морозов С.* Русская художественная фотография. М., 1955.
- 5 *Морозов С.* Фотография среди искусства. М., 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!	3
Очерк 1 ВЛАДИМИР КОЖЕВНИКОВ – ХРИСТИАНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И ПОДВИЖНИК <i>Чуфистова Л.И., Шаро-</i> <i>нова А.А.</i>	4
Очерк 2 СОЗДАНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ <i>Ильин С.А.</i>	14
Очерк 3 ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 – 1918 гг.) <i>Погорелый Д.Н.</i>	29
Очерк 4 ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ <i>Красников В.В.</i>	36
Очерк 5 СОЮЗ ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ: ТАМБОВ- СКИЙ СЛЕД <i>Слезин А.А.</i>	53
Очерк 6 ПРОБЛЕМЫ ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1950 гг.) <i>Есиков С.А.,</i> <i>Пеньков А.В.</i>	71
Очерк 7 ФОТОГРАФИЯ В ТАМБОВЕ: ВЕХИ ИСТОРИИ <i>Ермаков</i> <i>В.А.</i>	83